УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОЙ ССР.

СООБЩЕНИЯ

РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК II

История и этнография

Ведущо
Н. И. Ершов
Водопользование в сел. Кызыл-Кыштак. с. 72
Ю. А. Жубаев
Материалы по жилищу Мургабских киргиз. с. 92
Б. Х. Карпышев
Любительские "магнитики и "шьюгчи". с. 121

СТАЛИНАБАД—1955

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОЙ ССР

СООБЩЕНИЯ

РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК II

История и этнография

СТАЛИНАБАД—1955

публике работало 3 тысячи школ, насчитывающих около 300 тысяч учащихся.

Перевод народного хозяйства на мирные рельсы позволил уделять больше, нежели во время войны внимание вопросам повышения материального и культурного благосостояния народа.

На 1946 год бюджет республики составил 822,546 тысяч рублей, значительная часть средств бюджета шла на финансирование социально-культурных мероприятий. В 1946 году в республике работало 17 театров и 127 киноустановок, большое количество клубов, красных чайхан и красных уголков.

Усилилось медицинское обслуживание населения. В Таджикистане больничная сеть насчитывала 440 коек, открылось большое количество различного рода медицинских учреждений.

Рост благосостояния трудящихся в значительной мере характеризовался увеличением вкладов в сберегательные кассы; прирост вкладов в сберкассы по республике в 1946 году составил почти 14 млн. рублей, общая сумма вкладов превысила довоенную на 2 млн. рублей.

Засуха и неурожай 1946 года обусловили перенесение отмены карточной системы на 1947 год, но несмотря на имевшиеся трудности, партия и правительство проделали большую работу по повышению материального уровня жизни трудящихся СССР и результаты этой работы были ясно видны и ощущались рабочими, колхозным крестьянством и советской интеллигенцией.

Достижения первого года послевоенной пятилетки еще раз свидетельствовали о могучих силах социалистического строя, позволившего в течение короткого срока произвести перестройку народного хозяйства республики, резко повысить производство промышленной и сельскохозяйственной продукции. Успехи первого года новой пятилетки создали предпосылки к дальнейшему мощному подъему социалистической экономики, к дальнейшему укреплению экономического и политического могущества страны социализма.

И. Т. ЮСИФ-ЗАДЕ.

БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТАДЖИКИСТАНЕ.

(Краткий исторический очерк).

В настоящей работе автор поставил перед собой следующие задачи: осветить период образования Бухарской компартии и ее роль в борьбе за освобождение народов Бухары, в частности, Восточной Бухары от ига угнетателей, охарактеризовать деятельность существовавших в Бухаре буржуазных партий; показать руководящую роль Коммунистической партии и помощь Красной Армии в деле свержения эмира бухарского, а также дальнейшую борьбу с его ставленниками—агентами английского империализма.

Учитывая специфику обстановки в Средней Азии к моменту прихода Советской власти, автор счел целесообразным более подробно остановиться на отдельных этапах советского строительства в Бухаре, в частности—на вопросе образования органов Советской власти на местах, их борьбе с чуждыми элементами за революционное разрешение земельного и водного вопроса, на освещении вопроса осуществления культурной революции, и на периоде, предшествовавшем приходу республики к первому съезду Советов и съезду партии.

★★★

Вслед за разгромом частями Красной Армии закаспийской контрреволюции в бухарском ханстве назревают крупнейшие политические события. Трудовое бухарское дехканство открыто выступает против деспотической власти эмира Бухары—Саид-Алим-Хана.

Хотя бухарское ханство в период царизма считалось независимым государством, фактически оно также, как и весь Туркестанский край являлось колонией Российского империализма. Видимость самостоятельности Бухары нужна была царизму исключительно для того, чтобы создать своеобразный кордон между Российской империей и Британией.

Политическим строем в Бухаре был феодальный деспотический эмират: вся полнота власти находилась в руках эмира и его придворной челяди, послушного орудия российского империализма.

Все остальные слои населения, в том числе и крепнувшая с каждым годом узбекская и таджикская торговая буржуазия, никакого участия в управлении страной не принимали.

Как и во всех восточных странах огромнейшее влияние на всю жизнь дехканства имело мусульманское духовенство, являвшееся идеологом и ревностным защитником господствовавших в Бухаре феодальных порядков.

Бухарское дехканство во времена эмирата было лишено элементарных человеческих прав. Оно находилось под чудовищным гнетом аппарата управления эмира: управлющих провинциями беков, хакимов, чиновников, кишлачных старост, аксакалов, сборщиков податей (амлякдаров), кулаков (баев) и духовенства. Все эти эксплуататоры под разными видами урывали и присваивали большую часть продукции дехканского труда. 75—80% дехканства вовсе не имели своей земли и вынуждены были арендовать ее на кабальных условиях у чиновничества, байства и духовенства. Мизерные участки земли, каторожный труд дехканина при примитивном способе ее обработки, недостаток воды для орошения и варварская эксплуатация со стороны землевладельцев—все это вело к тому, что дехканство Бухары год от года разорялось и нищало.

«. . . в Гиссарском бекстве, на территории нынешних районов Гиссара, Шахринау, Регара, Пахтаабада и др., зажиточная верхушка составляла 7,6% хозяйств и имела 45,6% поливных земель. На долю 28% малоземельных хозяйств приходился всего 1% поливных земель. На территории нынешнего Орджоникидзеабадского района зажиточная верхушка составляла 1,3% всех хозяйств и имела в своем распоряжении 32% поливных земель, а на долю 38% малоземельных хозяйств приходилось только 2,3% поливных земель»[1].

Продажность и взяточничество чиновничьего административного аппарата, духовные (шариатские) суды, вмешательство духовенства, в силу особенностей мусульманской религии абсолютно во все мелочи жизни дехканина, усугубляли зависимость дехканства от эксплуататоров.

Народное образование в Бухаре стояло на самой низкой ступени. Кроме мулл и небольшой части байства—никто в кишлаках не умел ни писать, ни читать. Темнота и забитость народных масс облегчали эксплуататорам возможность грабить бедноту.

Женщина в Бухаре была абсолютно бесправна, муж был полновластным хозяином жены и мог с благословения муллы творить над ней суд и расправу. Такое самоуправство диктовалось законами ислама.

---

[1] Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, издание второе, 1952 г., стр. 425—426.

Эмир, байство и духовенство умышленно раздували антагонизм между многочисленными национальностями ханства.

В Бухаре проживали узбеки, таджики, туркмены, бухарские евреи, казахи и пр., Господствующей национальностью были узбеки, так как из узбекского племени Мангыт происходил сам эмир. Это ни в коей мере, конечно, не мешало узбекской буржуазии поддерживать тесные связи с эксплуататорскими слоями таджиков и туркменов, чтобы угнетать в то же время и узбекскую, и таджикскую, и туркменскую бедноту.

С переходом Бухары под власть царизма еще больше усилился гнет и усугубилось закабаление бедноты. К феодальному гнету местного эмирского и байско-духовного аппарата прибавился теперь колонизаторский гнет административно-военного аппарата царизма, рассматривавшего Бухару, как богатейший источник сырья и рынок сбыта, как плацдарм для наступления на Индию, куда устремлял свои помыслы российский империализм.

По территории Бухары пролегали российские стратегические и торговые пути сообщения с иностранными государствами: Индией, Афганистаном и др. В важнейших городах ханства стояли гарнизоны царской армии. На рынках Бухары господствовал российский капитал и само ханство было для российского капитала богатейшим рынком сырья: шерсти, хлопка, кож, скота и фруктов.

Изнемогая под двойным гнетом царского правительства и эмира бухарского, дехканство неоднократно с оружием в руках восставало против эмирата. Бедноте отдельных горных районов Восточной Бухары—Матчи, Дарваза, Каратегина, Алая, Бальджуана —временами удавалось ослабить свою зависимость от эмира, но добытая кровью свобода была кратковременной. Эмир с помощью царских войск жесточайшим образом подавлял революционно-освободительные выступления дехканства.

После свержения царского правительства в феврале 1917 года и временного правительства, в результате победы Октябрьской революции в Туркестане установилась Советская власть и была организована Туркестанская республика.

Однако, в Бухарском (равно как и Хивинском) ханстве сохранилась власть эмира и феодально-деспотический строй.

Вынужденный обстоятельствами вступить в договорные отношения с Советской властью в Туркестане, эмир обязался поддерживать с ней мир и дружбу. Однако, уже очень скоро эмир показал свое подлинное лицо. Выполняя приказ английских империалистов он усилил жестокие репрессии против революционно-настроенных слоев населения, развернул бешеную антисоветскую пропаганду. В этом ему помогли так называемые мусульманские миссионеры, которые прибыли в Бухару из Кашгара, Афганистана, Турции, Ирана и других стран.

Эмир стал усиленно готовиться к нападению на советский Туркестан. Боевое выступление он намеревался приурочить к началу третьего похода Антанты на Советскую Россию.

В январе 1920 года эмир начал переговоры с афганскими правящими кругами. Были приняты меры по сближению с Ираном для создания единого антисоветского фронта. Англичане способствовали сближению эмирской Бухары и с другими странами Востока. Летом 1920 года между англичанами и афганцами был заключен договор о совместной борьбе против Советской власти.

Вся эта антисоветская подготовка возглавлялась английским консулом в Кашгаре—Эссертоном. Тем же летом эмир направил в Ташкент некоего Карши-бека для установления тесной связи с националистическими группами Туркестана «Объединение и прогресс», «Шурои Исламия» и другими, которых англичане щедро снабжали деньгами.

Объединив вокруг себя значительные силы, в том числе контрреволюционные силы в Туркестане—русских белогвардейцев и буржуазию, эмир был готов выступить против Советского Туркестана.

Учитывая серьезность обстановки в Советском Туркестане и назревание событий в бухарском ханстве, Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство назначают командующим Туркестанского фронта тов. М. В. Фрунзе и членом военного совета—тов. В. В. Куйбышева. В феврале 1920 года штаб фронта во главе с т. т. Фрунзе и Куйбышевым прибыл в Ташкент.

Вскоре после своего прибытия М. В. Фрунзе издал приказ № 1, в котором, обращаясь к трудящимся массам и воинам Красной Армии, он говорил:

«. . . В беспримерно тяжелых условиях, отрезанные отовсюду и лишенные братской помощи рабоче-крестьянской России, отбивая бешенные атаки врага извне и внутри, Вы были грозным и стойким часовым революции здесь, в Туркестане.

. . . Вы без различия языка, религии и национальности объединились в братский военный союз рабочей, крестьянской и дехканской бедноты и спасли положение. Вы заслужили величайшую признательность социалистического отечества, пролетариата всего мира. . . »[1]

Большую работу по мобилизации трудящихся масс Бухары на свержение государства феодалов и духовенства проделала Бухарская Коммунистическая партия, организованная в 1918 году. Первый съезд ее, состоявшийся в конце ноября 1918 года в Ташкенте, избрал Центральный комитет партии и принял решение о создании местных партийных организаций. Уже к началу декабря 1918 года возникли подпольные ячейки партии в различных пунктах Бухары.

[1] Фрунзе М. В. Избранные произведения. стр. 100, Москва, 1950 г.

Состоявшийся в Ташкенте в начале сентября 1919 года II съезд Бухарской Компартии единогласно утвердил решение Центрального комитета партии. Съезд наметил конкретные мероприятия по усилению агитационной работы среди трудящихся масс эмирата.

Рабочие и трудовое дехканство Туркестана и Бухары стали объединяться под знаменем Коммунистической партии. С каждым днем крепли узы дружбы и братства всех национальностей.

Коммунистическая партия Бухары под руководством Туркбюро ЦК РКП(б) развернула массово-разъяснительную работу среди трудящихся эмирата, указывая им путь освобождения. Коммунисты помогли трудящимся Бухары объединиться для свержения эмира и установления Советской власти.

Об успехах работы компартии среди трудящихся Бухары свидетельствует следующая корреспонденция, помещенная в туркестанских газетах:

«Недавно к бухарским революционерам явилась делегация из одного кишлака со следующим заявлением: «Мы не хотим больше продавать своих детей для уплаты налогов, мы не хотим таких порядков. Мы знаем, что на свете есть другие порядки и хотим, чтобы они были и у нас».[1]

Товарищ Фрунзе, учитывая создавшееся в Бухарском эмирате положение, издал по войскам Туркестанского фронта директиву за № 3504 от 12 августа 1920 года, в которой, в частности, указывалось на намерение врага создать против Советского Туркестана союз Персии, Бухары и, если удастся, — Афганистана, дабы затем, пользуясь еще неликвидированным басмаческим движением в Фергане, ударить по Красным войскам по всей южной границе.

Далее в этой директиве излагается конкретный план действий командующим различными родами войск Туркестанского фронта для оказания вооруженной помощи восставшему против эмира бухарскому народу.

К моменту революционного выступления бухарского народа, вооружение частей Красной Армии, руководимых М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым, составляло: 6—7 тысяч штыков, 2.500 сабель, 5 тяжелых и 35 легких орудий, 8 бронеавтомобилей, 5 бронепоездов, 11 самолетов.[2]

Против небольшой по численности и плохо вооруженной Самаркандско-Бухарской группы красных воинов стояли войска эмира, имеющие на вооружении 8725 штыков, 7500 сабель, 23 орудия и 12 пулеметов, а кроме того, приданные им шефский Арабский и Турецкий полки (1200 сабель). Все они были вооружены английскими автоматическими винтовками. В составе войска эмира имелся отряд англичан и русских белогвардейцев. Кроме регулярной

[1] «Известия», Орган крайкома КПТ и Турк ЦИК'а, № 161 от 21/VII—20 г.

[2] Военно-исторический журнал, 1940 г., № 10, стр. 72, 73.

армии, эмир располагал бекским ополчением, численностью в 27.000 штыков и сабель при 32 орудиях.

Однако, превосходя части Красной Армии по численности войск и вооружения, эмирские войска отличались низким морально-политическим состоянием.

Учитывая стремление трудового бухарского народа к своему освобождению и готовность Бухарской Компартии возглавить народную борьбу, М. В. Фрунзе издал 12 августа 1920 года директиву №—504, в которой говорится:

Для оказания революционной братской помощи бухарскому народу в его борьбе с деспотией бухарского самодержца исполне ние моей директивы от 12 августа за № 3504 приказываю:

Первое. Всем отрядам и частям Бухарско-Самаркандской группы к вечеру 28 августа закончить боевую подготовку и в ночь с 28 на 29 августа начать активные действия.

Второе. Начальнику Чарджуйского отряда направить большую часть сил (красных бухарских войск) на Старый Чарджуй, который при помощи вооруженных повстанцев должен быть занят не позже 4 час. утра 29 августа. Оставив в старом Чорджуе необходимый гарнизон (командиру Чарджуйского отряда красных бухарских войск) бросить свою кавалерию на переправы Наразым и Бурдалык, овладеть поименованными пунктами и установить зоркое наблюдение за путями из Старой Бухары на Керки и Термез, перехватывая беглецов и имея особой задачей захват эмира и членов старого Бухарского правительства при их попытке скрыться в Афганистан. По получении известия о занятии Старого Чарджуя (начальнику Чарджуйской группы) немедленно двинуть остальную часть отряда красных бухарских войск (пехота и конница) с поддержкой нашего кавдивизиона, пехоты и артиллерии, для овладения районом Кара-Куль, где принять охрану железной дороги до ст. Якна-тут включительно, перехватывая беглецов из Старой Бухары. Особая задача—не пропустить эмира и членов его правительства. Общая задача Чарджуйской группы—содействие утверждению революционной власти по Аму-Дарье от Хивинской границы до Термеза включительно»[2]

Конкретные оперативные задания даны в этой директиве также боевому отряду Аму-Дарьинской Флотилии, командиру первой группы, начальникам Катта-Курганского и Самаркандского отрядов, командиру четвертого стрелкового полка.

Начальнику Каганской группы было приказано по получении известия о революционном перевороте в Старом Чарджоу немедленно двинуть части на Старую Бухару и Ситораи Мохи Хасса, где

[1] Военно-исторический журнал, 1940 г., №—10, стр. 73.

[2] Фрунзе М. В., Избранные произведения, стр. 109.

решительным и сокрушающим ударом уничтожить все военные силы старо-бухарского правительства и не позволить противнику организовать новое сопротивление.

Для непосредственного руководства операцией, 28 августа в Самарканд прибыл М. В. Фрунзе.

Еще 25 августа 1920 года на заседании Туркомиссии совместно с представителями Бухарской Коммунистической партии было принято решение о помощи бухарскому народу в свержении эмира. Решение Туркомиссии соответствовало резолюции 4-й конференции Бухарской Коммунистической партии и отвечало чаяниям трудового народа.

28-го августа 1920 года в Старом Чарджуе, под руководством Чарджуйского Комитета Коммунистической партии, началось вооруженное востание против эмирата. Чарджуйский бек был свергнут.

Сразу же после захвата власти народом был образован Ревком в составе П. Сардара, Муллы-Абдурахима, Юсуп-заде и Шейх-Хасан Агаева. Ревком выпустил следующее обращение:

«Брат! Наступил час расплаты. Многострадальный бухарский народ, так долго угнетавшийся правительством эмира, беками и их приспешниками, наконец, восстал.

Довольно кровавых расправ, довольно ненасытных поборов и жестоких издевательств. Трудящиеся Бухары лучше справятся со своим делом, чем старое, проклятое правительство эмира, отнимавшее у них землю, сосавшее их кровь, разорявшее их солдатчиной.

Бухарский народ восстал. Он свергнул старую власть в Чарджоуском бекстве и установил там народную советскую власть. Восстание охватило всю Бухару.

Революционный комитет объявляет, что бухарский народ взялся за оружие, чтобы победить всех своих врагов и установить справедливый строй жизни. Амляки, хараджи, аминона раз и навсегда отменяются. Отменяются все старые налоги и все телесные наказания.

Братья, уничтожьте всех сторонников старого строя, шлите отряды Бухарской Красной Армии!».[1]

Вскоре в Ташкент прибыла делегация от бухарских коммунистов, которая обратилась к комиссии ЦИК"а РСФСР с просьбой помочь трудящимся Бухары в борьбе против эмира. Протягивая бухарским трудящимся руку братской помощи, товарищ Фрунзе перед началом военных действий обратился к войскам с призывом:

«В ряде местностей Бухары. . . вспыхнуло революционное движение. Настал час решительных схваток-подавленных и порабо-

[1] «Известия» Орган Крайкома КПТ и ЦИК'а, № 196 от 11/IX— 1920 г.

щенных трудящихся масс Бухары с кровожадным правительством эмира и беков. Полки нарождающейся Бухарской Красной Армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них. Приказываю всей нашей вооруженной мощью придти на помощь бухарскому народу в этот час решения его участи»[1].

Этот призыв вызвал большую радость среди трудящихся не только в Бухаре, но и во всем Туркестане; в Самарканде и других городах Советского Туркестана состоялись демонстрации по случаю освобождения бухарского народа.

Демонстранты приветствовали Красную Армию, оказавшую братскую помощь народам бухарского эмирата в их борьбе за свободу. Повсеместно происходили митинги, торжественные заседания. Сотни людей записывались в добровольческие мусульманские отряды.

В своем выступлении на собрании второго района Ташкентской организации Коммунистической партии Туркестана В. В. Куйбышев, нарисовав картину политического и военного положения в Бухарском ханстве, заявил:

«. . . Когда ревком Бухары попросил у нас помощи, мы не имели право ему отказать, зная, за что он борется. И наши красные войска были брошены на помощь нашим революционным братьям Бухары для освобождения их от гнета бухарской буржуазии. Революционные войска повели наступление против войск эмира по нескольким направлениям, и революционерами уже взяты Хатырчи, Зиатдин. Красные части продвигаются к Шахризябсу. Красными отрядами взят в центре бухарских владений город Карши. Войска эмира обращаются в бегство и частью присоединяются к революционерам. Восставшим бухарским народом среди бухарской буржуазии взято в плен в Карши несколько русских контрреволюционеров. По последним известиям (30 августа вечером), красные отряды вплотную подступили к Старой Бухаре и начинают сжимать ее все более и более узким кольцом, зажимая уже сады эмира в юго-западной части Бухары.

Победа бухарского народа над эмиром неизбежна при том подъеме, который намечается среди населения Бухары и при наличии вражды к эмиру даже среди буржуазии, часть которой враждебно настроена по отношению к правительству эмира. С падением реакционной Бухары положение на Востоке резко изменится. Авторитет Советской власти среди народов Востока усилится, и это явится большой поддержкой революционному движению восточных народностей.

Эмирская Бухара представляла из себя караван-сарай для контрреволюционеров, белогвардейцев и мирового империализма.

[1] Фрунзе М. В., Соч., 1, Москва, 1929 г. стр. 136,

Она была развращающим соседом и теперь, с падением эмира Бухара превратится в новый очаг революции на Востоке».[1]

27 августа 1920 года была объявлена мобилизация 500 коммунистов-мусульман Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей для ведения политической работы в мусульманских частях.

Командование Красной Армии имело сведения о том, что на железнодорожных станциях сидят агенты эмира для наблюдения за продвижением войск. Ввиду этого, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев предприняли ряд мер для достижения полной секретности хода подготовки к операции.

Была проведена соответствующая работа с командно-политическим составом частей и с красноармейцами.

По сигналу артиллерийского орудия, войска Туркфронта перешли в решительное наступление. 29 августа в 7 часов 30 минут утра были заняты кишлаки Рават-Казы, Арбоб, Раджаббой, Сафед-Муй.

30 августа 1920 года последовал приказ товарища Фрунзе:

«. . . приказываю овладеть Старой Бухарой, отбросив противника к северо-востоку, затем, совместным наступлением Чарджуйской, Каганской и Катта-Курганской групп уничтожить остатки противника, сбив его в район Вабкенте, Гиждуван, Ваганзи, Богоутдин»[2].

В выполнении поставленной задачи Советским войскам оказывали помощь широкие массы трудящихся.

Бухарский трудовой народ, воодушевленный героическим примером и братской помощью великого русского народа и его Красной Армии, под руководством бухарской компартии первого сентября 1920 года поднимает восстание в гор. Бухаре и бухарском ханстве. Восставшие занимают города Старая Бухара, Ширабад, Термез, Керки, Карши, Ташта-Карача, Китоб, Чиракчи, Яккобаг, Богоутдин, Гиждуван. 2-го сентября совместными усилиями восставших и Красной Армии Туркфронта был свергнут эмир Саид-Алим-хан, который бежал в направлении Байсуна. В Старой Бухаре был взят в плен наместник эмира кушбеги Асман-Бек.

В тот же день М. В. Фрунзе отправляет В. И. Ленину телеграмму, в которой пишет: «Крепость Старой Бухары взята сегодня штурмом соединенных усилий красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя. . . .» [3]

В связи с одержанной победой, Красная Армия и комиссия ВЦИК'а послали Бухарскому ревкому следующее приветствие:

[1] «Правда Востока», № 206, от 6/IX-1935 г.

[2] Фрунзе М. В., На фронтах гражданской войны, Сборник документов, Воениздат, 1941, стр. 326.

[3] Там же, стр. 326.

«Приветствуя революционную власть в Бухаре и в ее лице освобожденные миллионы трудящихся бухарских граждан, Туркестанская комиссия ВЦИК выражает твердую уверенность в том, что произвол эмира и беков уничтожен навсегда, что никому не удастся вырвать из рук бухарского дехканства землю, которую ему дала революция.

Никому не удастся восстановить угнетение и позорный режим бесправия. Братский союз Советской Федеративной России и Советской Бухары скреплен кровью в общей борьбе. Он останется нерушимым и в дальнейшей работе по освобождению трудящихся масс Востока от кабалы империализма» [1]

В ответ на приветствие Бухарский революционный Комитет писал:

«В ответ на ваше приветствие бухарский ревком от имени миллионов освобожденных трудящихся масс Бухары выражает свою глубочайшую признательность РСФСР в лице Туркомиссии за помощь, оказанную трудящимся Бухары в свержении ненавистного эмирского режима бесправия, гнета и произвола. Незыблемый тесный союз между Советской Россией и Советской Бухарой, спаянный общей борьбой и пролитой кровью, является залогом конечного освобождения народов Востока от мирового империализма.

Да здравствует нерушимый братский Союз Советской России и Советской Бухары»[2]

Кроме того, Бухарский ревком послал приветствие ВЦИК'у и СНК РСФСР, в котором указывал, что разбиты цепи бесправия и гнета в одной из самых мрачных деспотий Востока. Ревком Советской Бухары приветствует РСФСР, как могущественный оплот революции на Востоке.

Население городов и кишлаков Бухарского ханства с радостью встретило известие о перевороте, положившем конец многовековому произволу и гнету эмира. Жизнь начала входить в свою колею.

Вступившее в Бухару революционное правительство устанавливает в первую очередь революционные порядки, принимает меры к охране имущества населения, объявляет беспощадную борьбу с мародерством. Революционные войска освободили из Бухарской тюрьмы тридцать революционеров, заключенных туда эмиром за большевистскую пропаганду и приговоренных к смертной казни через повешение.

Новая власть была также восторженно встречена и в бывшем Каршинском бекстве. Эта власть, в лице Каршинского ревкома, при поддержке дехканства, конфискует крупную земельную собственность, отменяет налоги и телесные наказания. Все земли, принадлежавшие членам эмирской семьи, бекам, крупным феодалам

[1] Из фонда Бухарского областного Историко-Краеведческого Музея.

[2] Из фонда Бухарского областного Историко-Краеведческого Музея.

и ростовщикам, становятся всенародным достоянием и немедленно передаются беднейшему безземельному крестьянству.

Туркестанская комиссия ВЦИК объявляет товары русских купцов, находящихся на территории Бухарского ханства, собственностью Бухарской Народной Республики.

В Китабе, Шахризябсе, Чиракчи, Яккобате и других городах возникают многолюдные митинги, на которых народ высказывает свою готовность во всем помогать новой власти и ее армии.

С 3 по 11 сентября Красная Армия занимает города Нур-Ата, Гузар, Байсун. Саид-Алим-хан бежит в Гиссарское бекство. В этот же период Всебухарский ревком образует Чрезвычайную комиссию—Назират (Наркомат) по военным делам, Назират по продовольствию, Военный Совет Бухарских войск.

«11-го сентября 1920 года член Реввоенсовета Туркфронта и член комиссии ВЦИК и РКП тов. В. В. Куйбышев был назначен полномоченным представителем РСФСР в Бухаре».[1].

Революционный Комитет одновременно ведет подготовку к созыву съезда Народных представителей для образования бухарского советского правительства.

На съезде было объявлено об организации Бухарской Народной Советской Республики. На этом же съезде, от имени правительства РСФСР было объявлено о признании Советом Народных Комиссаров независимости Бухарской Народной Советской Республики.

14 и 15 сентября был образован Всебухарский Революционный Комитет и Совет Народных Назиров (Комиссаров).

В первой же декларации Бухарского правительства было провозглашено полное равноправие всех национальностей, проживающих на территории Бухарской Народной Республики, не допускавшее деления на господствующие и подчиненные нации; граждане всех наций одинаково ответственны перед законом и имеют одинаковые налоговые обязательства. За всеми нациями признается право на пользование родным языком в школьном деле, в литературе и судопроизводстве.

Образованное правительство приступает к проведению ряда мероприятий по организации органов власти на местах, созданию социально-экономического аппарата.

11-го октября 1920 г. Всебухарским ревкомом введена по республике, кроме Восточной Бухары, продовольственная разверстка. 17-го октября 1920 г. . . . Совет Народных Назиров Бухарской Народной Советской республики издал декрет о социальном страховании трудящихся [2].

[1] «Известия», Орган крайкома КПТ и Турк, ЦИК'а, 13 сентября 1920 г.

[2] Газета «Правда Востока», № 206 от 6/IX-1935 г.

Перед Коммунистической партией и Правительством Бухары стоял вопрос о мобилизации всех сил для продолжения борьбы с бывшим эмиром и его вдохновителем—английским империализмом и прочими контрреволюционным элементами. Вследствие крайней экономической и культурной отсталости Бухары—встал вопрос о разрешении в первую очередь буржуазно-демократических задач, поэтому созданное, в результате революции, государство не сразу приобрело социалистический характер; для этого не было еще соответствующих социально-экономических предпосылок. Товарищ В. В. Куйбышев в беседе с корреспондентом «Известий» крайкома КПТ и Турк ЦИК'а 4-го ноября 1920 г. характеризовал Бухарскую республику следующими словами: «Революцией в Бухаре руководили коммунисты. Между тем, в результате революции по вполне понятным объективным причинам, установлен строй, который нельзя назвать социалистическим, так как для этого не созрели ни экономические, ни политические условия. Компартия же имеет полную возможность влиять на политику Центрального органа власти, тем более, что ревком состоит из коммунистов и к этой же партии принадлежит большинство назиров. Но для всякого, внимательно вникающего в теперешнюю жизнь Бухары, ясно: если бы Компартия использовала свое влияние в сторону последовательного проведения всех коммунистических принципов, то это было бы искусственное насаждение строя, несоответствующего экономическим условиям и психологии масс. Таким образом, партия имеющая фактическую возможность безоговорочно влиять на государственный аппарат, сознательно и добровольно временно ограничивает проведение в жизнь своей программы, обратив центр внимания на создание психологических условий, необходимых для совершения коммунистической революции, т. е. на широкое развитие классового самосознания и организации масс»[1].

Это определение тов. Куйбышева явилось программой действия для дальнейшего расширения революции, сплочения трудового народа вокруг знамени партии для борьбы против буржуазно-националистических элементов и реационного духовенства. Определение товарища Куйбышева соответствовало ленинским положениям по национальному вопросу. В. И. Ленин на втором конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 году говорил:

«Революция в колониях на своих первых этапах не будет коммунистической революцией, но если руководство с самого начала будет в руках коммунистического авангарда, то революционные массы будут итти по верному пути к достижению поставленной цели путем постепенного приобретения революционного опыта»[2].

[1] «Известия», крайкома КПТ и Турк. ЦИК от 4 /IX—1920 г.

[2] Протоколы 2-го конгресса Коммунистического Интернационала, М. 1934 стр. 499.

14-го сентября 1920 года в бывшем дворце эмира «Ситораи Мохи Хосса» состоялся первый Всебухарский курултай (съезд) Советов Народных Депутатов под руководством тов. Куйбышева. На съезде присутствовало 2000 делегатов. Ввиду отсутствия в Бухаре промышленного пролетариата, основная масса делегатов состояла из мелкой и средней торговой буржуазии. На съезде царила уверенность и спокойствие. Свободно, как подлинные хозяева, чувствовали себя делегаты в бывшем эмирском дворце, раньше им недоступном. Ни у кого не было и мысли о возвращении эмира.

А между тем страна еще не вся была освобождена и наводнялась агентами эмира. В горах Восточной Бухары части Красной Армии совместно с революционными бухарскими отрядами боролись за каждую пядь родной земли с отступающей бандой эмира.

Темный, забитый, веками страдавший в рабстве народ стремился к строительству новой жизни, свободному труду. На съезде основным был вопрос о земле и воде, а также о формировании революционного народного правительства. В конце съезда была объявлена декларация правительства РСФСР «Об отказе от всех территориальных приобретений царского правительства внутри Бухарской республики».

Делегаты съезда горячо приветствовали от имени свободного народа Бухары это проявление дружбы и бескорыстности рабоче-крестьянского правительства России и послали приветственную телеграмму В. И. Ленину, И. В. Сталину и ЦК Партии большевиков.

Съезд единодушно постановил обратиться к братскому Российскому Советскому Правительству с просьбой об оказании помощи в борьбе с эмиром, продолжавшим угрожать молодой республике.

Молодая бухарская буржуазия, стоявшая в оппозиции к эмиру, после свержения последнего потеряла всю свою «революционность». Проникая в органы государственной власти, представители бухарской буржуазии, так называемые младобухарцы, напразили все силы и средства на подавление и уничтожение революционного движения, всеми силами старались игнорировать осуществление провозглашенных революцией реформ и препятствовали дальнейшему развитию революции. Цели буржуазии были достигнуты: эмир и его система, были опрокинуты. Бухарская буржуазия готова была эксплуатировать народ в своих интересах и превратить страну в колонию английского империализма.

Укрепившись в центре республики, правительственный аппарат Бухары приступил к организации советской власти на местах. Здесь пришлось столкнуться с фактом полного отсутствия административно-технических работников, недостаточным числом членов партии, среди которых к тому же встречались и явно враждебные

элементы (из младобухарцев). Понятно, что при таких обстоятельствах и огромной нужде в работниках на местах, в советские органы попадали бывшие эмирские чиновники, муллы, баи и другие враждебные Советской власти люди, которые стремились к срыву революционных мероприятий и к подготовке контрреволюционного переворота.

В Бухаре, особенно в Восточной, где до революции вообще отсутствовал государственный аппарат и управление на местах находилось в руках отдельных лиц, при полном отсутствии какой-либо канцелярии, учета и отчетности и при поголовной неграмотности населения, организация новых форм управления встретила громадные трудности.

Бухарское правительство, используя все культурные силы на организацию центральных органов власти, могло послать окраинам лишь незначительную часть работников-революционеров, большинство же административных постов занимали люди, враждебно относящиеся к Советской власти и готовые в любой момент прийти на помощь реакции.

Воспользовавшись этим обстоятельством, эмир собрал в Восточной Бухаре новую сорокатысячную армию. В этом ему активно помогали русские белогвардейцы, английские разведчики, снабжавшие эмирские банды деньгами и вооружением.

Однако, не пользуясь никакой поддержкой со стороны населения, армия эмира терпела одно поражение за другим. 21 февраля 1921 года части Красной Армии освободили Дюшамбе, эмир со своими приближенными бежал в Янги-Базар, затем в Нурек, Туткаул, Куляб и, наконец, 4-го марта 1921 года, в сопровождении своего верного сподвижника Ибрагим-бека, эмир Саид-Алим-хан, последний из династии Мангитов, бежал в Афганистан, оставив Ибрагим-бека в пограничном с Афганистаном районе для дальнейшей организации басмаческих банд.

Борьба с эмиром была окончена и над всей Бухарой развевалось Красное Знамя Советов. По приказу командования со второй половины 1921 года части Красной Армии начинают покидать пределы Восточной Бухары.

Между тем, контрреволюция, в лице младобухарцев и других реакционных элементов, подготовляла выступление против Советской власти в Бухаре. Скрывавшийся же на левобережьи реки Вахш Ибрагим-бек организовал несколько шаек басмачей, общей численностью до 1.000 человек, под командованием своего племянника эмира Тугай-Сары Токсаба.

В декабре 1921 года большая часть Восточной Бухары оказалась охваченной басмачеством. По мере отхода частей Красной Армии из бухарских городов, их начинают занимать басмаческие

банды. В это время в Восточной Бухаре появляется агент английских империалистов—бывший военный министр султанской Турции—Энвер-Паша.

★★★

Будучи членом партии «Единение и прогресс», Энвер-бей (Энвер-паша) стал известен в Турции в 1908 году как руководитель государственного переворота, направленного к свержению власти султана Абдул-Гамида. И хотя переворот по замыслу его организаторов должен был произойти позднее, Энвер решил начать его немного раньше.

Энвер, желая любой ценой выдвинуться, решил действовать самостоятельно, без согласия партийного центра. Честолюбивый, он не останавливался перед риском возможной неудачи и провала дела. В дальнейшем, из-за того, что народ был недоволен неплодотворной деятельностью партии унионистов («Единение и прогресс»), не сумевшей вывести страну из тупика и считавшейся виновницей затянувшейся турко-итальянской войны, первенствующую роль начала играть партия «Свобода и соглашение». Она оттеснила унионистов и стала у власти. Энвер в это время счел для себя более благоразумным уехать в Германию. В германском генеральном штабе на него быстро обратили внимание. Прошлое Энвера убеждало германских штабистов в том, что гость из Турции не раз пригодится им в деле осуществления захватнических планов.

Последовавшая вскоре война между Турцией и Балканскими государствами была крайне неудачной для первой. Потерпев ряд тяжелых поражений, Турция оставила в руках Греции и Болгарии значительную часть своей территории.

Неудачная внешняя политика сильно пошатнула положение партии «Свобода и соглашение». Появился благоприятный момент для захвата власти унионистами. Комитет «Единения и прогресса», энергично поддержанный Германией, решил воспользоваться этим моментом. На сцену опять выступил предприимчивый Энвер-бей, который 23 января 1913 года с группой преданных ему людей занимает Порту, врывается в кабинет военного министра Назым-паши и собственноручно убивает его. При помощи тех же германских империалистов Энвер-бей был включен в состав нового турецкого правительства и вскоре получил должность военного министра.

Чтобы поднять в глазах народа авторитет своего ставленника—Энвер-паши и через него подготовить Турцию для участия на своей стороне в будущей войне против России, Германия оказывает Турции активную помощь, как деньгами (в сумме 2 миллионов лир—первый аванс), так и оружием. Вокруг Энвер-бея создается искусственный ореал славы и, наконец, он получает титул паши. В свою очередь Энвер-паша, чтобы окончательно закрепить свое положение, женится на дочери султана, становится, таким образом,

зятем халифа. Торжество Энвер-паши было полным: бразды правления Турцией оказались в его руках и кучки его сподвижников, А главное—на каждом шагу он ощущал опеку правителей Германии.

Энвер-паша оправдал надежды своих германских хозяев. С начала первой мировой войны он решительно становится на сторону Германии, вовлекая тем самым в войну Турцию, еще неоправившуюся к тому времени от поражения в войне с Балканскими странами. Терпя и на этот раз тяжелое поражение и неся большие потери в живой силе и вооружении, Турция уже не в силах была противиться воле немецких хозяев и продолжала участвовать в войне, все более обескровливая свою армию.

После вторичного за короткое время поражения Турции, Энвер бросил страну на произвол судьбы, спасаясь от гнева турецкого народа. Причины для такого опасения были весьма реальны. Народ видел в лице Энвера главного виновника бедствий, вызванных вовлечением страны в губительную войну. Оказавшись вдали от родных мест, не у дел, Энвер-Паша стал искать нового хозяина, который согласился бы ему платить за открытую торговлю интересами турецкого народа. Охотником такого рода оказался премьер-министр Англии Ллойд Джордж.

После провала попытки английских империалистов в 1919 — 1920 гг. захватить Среднюю Азию и Азербайджан и создать плацдарм для борьбы против Советской России англичане принимают все меры для создания внутреннего фронта в Средней Азии и, в частности, в Бухаре. В качестве вдохновителя и создателя такого фронта они избрали того же Энвер-пашу.

Являясь на этот раз агентом английского империализма, Энвер-паша в 1920 году приезжает в Баку, где в то время происходит съезд народов Востока. Цель английского наймита была во что бы то ни стало сбить съезд с правильного пути. Но попытка лазутчика сорвалась. Делегаты, знавшие Энвера как ярого авантюриста, не допустили его на съезд. Потерпев поражение в Баку, Энвер в ноябре 1921 года приезжает в Бухару. Здесь он пытается использовать тяжелое материальное положения населения для создания народных волнений и нанесения смертельного удара Бухарской народной республике.

Поселившись в Старой Бухаре, он нанес неофициальный визит возглавлявшему в то время правительство Бухарской Народной республики—буржуазному националисту Файзулло Ходжаеву (об этом свидании стало известно лишь в 1938 году, на процессе антисоветского право-троцкистского блока). После этого он уезжает, якобы на охоту, и прибывает в Восточную Бухару.

Энвер-паша обращается к находящемуся в то время в Афганистане свергнутому эмиру Бухары с письмом, в котором обещает

ему в два месяца очистить Бухару от красных войск. Саид-Алим-хан назначает Энвера «главнокомандующим войсками ислама».

Главари басмаческого движения в Восточной Бухаре Ишан-Султан, Алимардан-Додхо, Давлят манд-бей, Данияр-бек, Абду-Каюм-бей и другие поступили в полное подчинение Энвер-паше. Обиженный назначением нового «Главкома» Ибрагим-бек передает ему командование и со своими 4000 джигитов уходит в Локайскую долину. Энвер-паша объявляет себя «главнокомандующим войск ислама и наместником его высочества эмира бухарского». Его банда, в количестве до 10 тысяч человек, осаждает Дюшамбе.

Несмотря на огромное превосходство сил противника, красные бойцы Дюшамбинского гарнизона в полном порядке пробились из окружения и отошли для соединения с основными силами бухарской группы Красных войск.

Окрыленный первым успехом, Энвер-паша задается далеко идущими политическими целями. Он носится с идеей объединения под своей властью всех мусульманских государств Средней и Передней Азии, создания халифата в составе Турции, Ирана, Афганистана, Хивы и Бухары. Он расширяет свои связи с главарями басмачества Муллой Абдулкагором—в Западной Бухаре, Курширматом—в Ферганской области, Джунаид-ханом—в Хорезме и Холбутой—в Матче; санкционирует их назначение «главнокомандующими» в соответствующих районах, и выбрасывает лозунг «мусульмане всех стран, соединяйтесь!». Он сколачивает реакционный союз из близких ему по духу офицеров султанской турецкой армии, намереваясь использовать их как военных инструкторов в басмаческих отрядах.

Комитеты этого офицерского союза нелегально создаются в Бухаре, Самарканде и даже в Ташкенте. В Афганистане открывается военная школа, где под руководством турецких офицеров подготавливается командный состав для «войск ислама».

Энвер-паша принимает ряд мер для превращения басмаческих шаек в регулярную армию: организует военные занятия, требует несения полевой службы. Из афганских реакционных элементов он формирует отряд из 500 сабель с несколькими пулеметами, используя его и как личный конвой и как наиболее подготовленную в военном отношении часть, при помощи бывшего эмира продолжает субсидировать басмачество. Энвер-паша покупает за границей оружие и боеприпасы, создает военные склады и базы.

Англо-американские империалисты помогают Энвер-паше не только деньгами, но также оружием, снаряжением.

Таким образом, контрреволюционное басмаческое движение в Восточной Бухаре представляло из себя серьезную угрозу, сулило новые лишения, гнет и рабство только что освобожденному из под деспотии эмира бухарскому дехканству.

Учитывая создавшееся положение, 6 марта 1922 года Коммунистическая партия Бухары обращается к Центральному комитету РКП и Советскому правительству с просьбой о помощи для ликвидации энверовских банд, которые к тому времени успели захватить всю Восточную Бухару и, овладев почти всем Байсунским вилайетом, подошли к границам Средней Бухары.

Идя навстречу бухарскому трудовому народу, Центральный Комитет РКП и Советское Правительство дают частям Туркестанского фронта директиву об оказании вооруженной помощи молодому Бухарскому правительству в борьбе с бандами Энвер-паши.

В апреле 1922 года Туркестанский фронт выделил из своего состава специальную «бухарскую группу войск». В нее была включена, в частности, 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада, состоявшая из оренбургского трудового казачества, которая впоследствии сыграла решающую роль в разгроме банд Энвера-паши.

Основная группировка энверовских банд, включая афганские отряды, сосредоточилась в районах Байсун, Шураабад, Файзабад. В Байсуне Энвер силами отборного отряда из 3500 джигитов окружил два батальона 7-го Туркестанского стрелкового полка.

Для обеспечения свободы сообщения с Афганистаном, через который получали оружие, боеприпасы и пополнение в живой силе, Энвер-паша выдвинул к Коканду отряд из 500 джигитов под командой своего начальника штаба, турецкого султанского офицера Хасан-бея.

Однако ни многочисленность людского состава, ни количественное превосходство в вооружении не могли задержать брожения, начавшегося в стане басмачей. Грызня между главарями шаек усиливалась с каждым днем и развивалась также среди рядовых бандитов. Не только Ибрагим-бек категорически отказался присоединить свою четырехтысячную шайку к энверовской банде, но и многие другие главари басмачества интриговали против Энвер -паши, открыто недоверяли ему, как пришельцу и не хотели поднимать его авторитет.

Но на стороне Энвера был бывший эмир Бухары. Он всячески поддерживал Энвера и улаживал недоразумения, возникшие между ним и другими главарями шаек. Свергнутому эмиру ничего другого не оставалось, как возлагать надежду на будущие успехи трижды битого Энвера-паши. Он посылал ему слезные, заискивающие письма, вроде:

«. . . Мы беззащитные рабы. . . . Лишенные Родины мы прибыли в Афганистан. Стоящие во главе духовенства идут по одному пути с нами. . . Кроме пожелания Вам здоровья желаем и успеха и кланяемся. Ваш друг Саид-Алим».[1]

После провала попытки энверовских шаек овладеть районом Байсун, инициатива целиком перешла в руки красных войск. Назревали события, которые должны были коренным образом изменить военную обстановку в этих местах.

Революционный Военный Совет бухарской группы войск отдал приказ красным частям выступить в направлении города Байсун для ликвидации энверовской банды.

В ночь на 9 июня 1922 года передовые части Красной Армии коротким ударом овладели кишлаком Рават в 12 клм. южнее Байсуна, 9-го и 10 июня они отбили две контратаки басмачей, нанеся им большие потери. В течение 9 и 10 июня были окончательно уничтожены сильные группировки энверских шаек и заняты занимаемые ими позиции. Басмачи расположились в восточной части Байсунской котловины, имея у себя в тылу горный хребет Джитым-Каляс, через который четыре горных щели выводят в долину реки Сурхан-Дарья. Передовые отряды басмачей занимали ближайшие высоты около города Байсун, упираясь флангами в горы, составлявшие северный и южные края этой котловины.

Главные силы Энвера-паши численностью до 3000 джигитов, среди которых было до 700—800 афганцев, находились в кишлаке Кафрюн. Кроме этого, мелкие группы энверовской банды в количестве 150—200 человек занимали кишлаки Сан-гардак и Ходжа-Милик.

РВС бухарской группы решает распределить силы своих войск таким образом: 1-й Алайский и 2-й Гиссарский краснознаменные кавалерийские полки направить по ущелью Бандихона в обход левого фланга энверовских войск, отрезать шайки от остальных горных троп, выводивших в Сурхан-Дарьинскую долину. Два батальона 5-го Туркестанского стрелкового полка со взводом 1-й конно-горной батареи должны были наступать от Байсуна на Кафрюн, а 12-й Туркестанский стрелковый полк с другим взводом 1-й конно-горной батареи должен был выдвинуться вперед через кишлак Анкабад, к урочищу Сары-Камыш, отрезая басмачей от ущелья Ак Капчигай и оказывая содействие остальным частям колонны.

С наступлением темноты кавалерийские полки бригады выступили из кишлака Дербент, держа направление на кишлак Рават. 15-го июня 1922 года 2-й взвод 1-й отдельной Краснознаменной конно-горной батареи, стоявшей на огневой позиции на южной окраине Байсуна, открывает огонь, при поддержке которого батальоны 5-го Туркестанского стрелкового полка переходят в стремительное наступление, оттесняя басмаческую конницу на восток к кишлаку Кафрюну. К 7 часам батальоны, об-

[1] Из фонда Государственной публичной библиотеки Таджикской ССР им. Фирдоуси.

стреливаемые сильным ружейно-пулеметным огнем басмачей, почти вплотную подошли к кишлаку. К этому же времени 2-й Гиссарский Краснознаменный кавалерийский полк уже захватил узкое ущелье Бандихана 1-й Алайский Краснознаменный полк, развернувшись подивизионно левее батальонов пятого Туркестанского стрелкового полка, при поддержке артиллерийского огня, в конном строю, двумя эшелонами, атаковал басмачей, имея направление атаки на северную окраину Кафрюна.

Басмаческие банды Энвер-паши, не принимая атаки и потеряв более 200 джигитов, в панике бежали в направлении ущелья Танги-Муш. Кавалерийский полк захватил кишлак Кафрюн, где находилась ставка Энвера. В качестве трофеев достались два ящика одиннадцатизарядных английских винтовок и 19 верблюдов, нагруженных патронами, только что прибывших из Афганистана, а также до 50 груженных всевозможным военным снаряжением верблюдов, канцелярия и личные вещи Энвера-паши, много продовольствия и фуража. Полк в этом бою потерял четырех бойцов ранеными и 8 лошадей убитыми.

Военный авторитет Энвер-паши в глазах басмаческих курбашей, да и у самого эмира окончательно пал. Разногласия между басмаческими главарями обострились еще больше. Однако сам Энвер-паша хотя и отступал поспешно вглубь Восточной Бухары, все же далеко не терял надежды на реванш. Полагая, что красные части далеко не будут его преследовать, он рассчитывал, отсидевшись в глубоком тылу, реорганизовать свои банды и снова продолжать борьбу.

Несколько позднее один из разъездов Красной Армии перехватил письмо Энвера к афганскому военному министру. В своем послании незадачливый генерал пытался сгладить впечатление, произведенное в Кабуле его недавним поражением.

«. . . Мой дорогой назир! Вчера, после сражения, я ушел со своими войсками в Карлюк, потому что первая причина—было в три раза больше превосходство в силах, а главной причиной было то, что патроны были израсходованы у туземных войск.

Идя на Курган-Тюбе, я с Давлятманд-баем хочу покончить с Ибрагимовской аферой.

Я полагаю, что русские не могут итти вперед, совершенно даже невозможно, чтобы они дошли до Дюшамбе. . .»[1]

Одержимый чувством мести к непокорному Ибрагим-беку, Энвер-паша и в мыслях не допускал возможность длительного преследования его разбитых банд красными войсками.

Но уже утром 16-го июня первая отдельная Туркестанская кавалерийская бригада начала энергичное преследование остатков

[1] Из фонда Государственной Публичной библиотеки им. Фирдоуси.

банд Энвер-паши. В этот день басмаческие арьергарды были выбиты красными конниками из кишлаков Карлюк и Миршаде, а 17-го июня бригада подошла к Юрчи и Денау и после короткого боя заняла их.

18-го июня бригада подошла к рекам Сурхан-Дарья и Тупаланг-Дарья. При этом басмаческая шайка в 200 джигитов, прикрывавшая отход главных своих сил, была вплотную прижата 1-м кавалерийским полком к Тупаланг-Дарье.

Переправа через водный рубеж под огнем частей Красной Армии обошлась басмачам более чем в 100 человек убитыми.

Ибрагим-бек, направленный эмиром Саид-Алим-ханом с 2000 джигитов на помощь Энверу-паше, узнав о разгроме последнего, решил вернуться в свое убежище Локай.

Между тем, бухарская группа войск, действовавшая в районе вышеупомянутых рек, временно задержалась, так как соседняя, правая колонна сильно отстала. Энвер-паша не преминул воспользоваться этим обстоятельством. Факт задержки он рассматривал как подтверждение своих предположений о том, что красные войска не пойдут вглубь Восточной Бухары. В срочном порядке он производит перегруппировку своих потрепанных шаек и готовится к возобновлению активных действий.

Басмаческие отряды начинают появляться на левом берегу Тупаланг-Дарьи. Командование Красной Армии решает нанести им короткий удар и обеспечить за собой переправы. С утра 22-го июня 1922 года 1-я отдельная Краснознаменная конно-горная батарея заняла огневую позицию против находящегося в руках басмачей кишлака Сары-Ассия и открыла по нему сильный огонь. Потеряв до 30 джигитов убитыми, басмачи поспешно очистили кишлак. Одновременно в кишлак Арганчи (в 10 километрах восточнее Денау) была выброшена рота 5-го Туркестанского стрелкового полка, которая заняла небольшое предмостное укрепление на левом берегу Сурхан-Дарьи.

25-го июня разведка донесла о группировке басмачей, сконцентрировавшейся против этого укрепления; туда был немедленно направлен батальон 5-го стрелкового полка. Он прибыл как раз в тот момент, когда басмачи, во главе с афганским отрядом, под личной командой Энвера-паши, с утра 26-го июня атаковали предмостное укрепление. При поддержке огня батареи с правого берега, батальон в течение 26-го и 27-го июня отбил несколько атак басмачей и обеспечил за собой переправу, к которой 29-го июня был подтянут весь пятый Туркестанский стрелковый полк и дивизион 2-го Гиссарского Краснознаменного кавалерийского полка. В этом бою басмачи оставили на поле боя более 60 трупов и много оружия.

29 июня дивизион 2-го Гиссарского Краснознаменного кавалерийского полка, переправившись на левый берег Сурхан-Дарьи,

при поддержке артиллерийского огня атаковал отряд афганских добровольцев, теснивший роты 5-го стрелкового полка. Басмачи приняли атаку, но были разгромлены гиссарцами и в панике обратились в бегство, оставив на месте 165 убитых, много лошадей и оружия.

К вечеру оба полка бригады были уже на левом берегу Сурхан-Дарьи, а 30-го июня к ним присоединилась батарея. Бригада двинулась дальше.

Преследуя отходившие энверовские шайки, первая отдельная Туркестанская кавалерийская бригада 1-го июля без боя заняла Регар и Каратаг.

После боя у Арганчи, Энвер-паша собрал совещание всех главарей шаек, на котором он заявил, что передает командование Ибрагим-беку, а сам, с отрядом афганских добровольцев и шайками Давлятманд-бея, состоящими из бальджуанцев, начинает отход, имея намерение уйти в Афганистан.

Излагая перед главарями шаек (курбаши) свои намерения, Энвер-паша втайне имел другой план: он рассчитывал, что Красные части, начиная борьбу с бандами Ибрагим-бека, потеряют его из виду, а сам он тем временем соберет в отдаленном бальджуанском районе остатки своей потрепанной шайки и снова перейдет к активным наступательным действиям.

Но осуществить задуманное Энверу не удалось. 2-го июля, после короткого, но упорного боя, части 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады захватили крепость Гиссар. Басмаческие шайки отошли к Дюшамбе, рассчитывая здесь оказать сопротивление, опираясь на разлившуюся горную речку Дюшамбе.

На рассвете 14-го июля 1-я отдельная Краснознаменная конно-горная батарея занимает огневую позицию у кишлака Чар-Тут и открывает огонь по Дюшамбе. Под прикрытием этого огня эскадроны 1-го Алайского и 2-го Гиссарского Краснознаменных кавалерийских полков форсировали реку и ворвались в кишлак, выбив из него басмаческие шайки, начавшие после этого отступление вверх, вдоль берега реки Кафирниган.

После небольшой остановки в Дюшамбе, необходимой для подхода тылов, бригада продолжает преследование противника.

Тем временем басмачи в количестве до 2000 джигитов сгруппировались у кишлака Янги-Базар, для обороны переправы через Кафирниган. 25-го июля они встретили передовые части Красной Армии сильным огнем. Подошедшая 1-я конно-горная батарея заняла позицию около кишлака Писта-Мазар. При поддержке ее огнем 1-й Алайский и 2-й Гиссарский Краснознаменные кавалерийские полки форсировали реку. Потеряв до 400 человек убитыми, басмачи оставили Янги-Базар и начали отход, причем Энвер-паша с 800—1000 джигитами направился через кишлак Файзабад к

Бальджуану. Ибрагим-бек, имея около 2000 джигитов, удалился в Локай.

В дальнейшем банды Энвер-паши были еще жестоко биты эскадронами 15-го Джаркентского кавалерийского полка под кишлаком Санг-Тут, на перевале Гулизиндан и под Бальджуаном 4-го августа, в боях северо-восточнее Бальджуана Энвер-паша вместе с Давлятманд-беем погибли.

В связи с победой, одержанной при ликвидации энверовских банд, бойцы, командиры и политработники получили обращение политотдела бухарской группы войск, в котором говорилось:

«В историю доблестных побед Красной Армии вписана еще одна яркая страница!

Напором нашей кавалерии и выдержанностью наших стрелков главный штаб Энвера разбит и неприятель бежит в паническом страхе.

В течение нескольких дней наша конница преследует разрозненные шайки басмачей и не может войти в соприкосновение с ними.

На пути своего бегства они оставляют сотни павших лошадей, грабят и насилуют мирных жителей.

О чем это говорит?

Это говорит о том, что собранная долгими усилиями банда из афганских преступников, белогвардейцев и английских империалистов—армия Энвер-паши окончательно развалилась, не успев сорганизоваться.

. . . Так дружнее—же вперед! Еще и еще один натиск и враг будет уничтожен!»[1]

★★★

После смерти Энвер-паши командование басмаческими бандами перешло снова в руки Ибрагим-бека. В это же время в стане бандитов появляется новый пришелец—полковник Турецкой армии Селим-паша (он же Ходжа-Сами-бей). Этот период характеризуется усилением грабежа, убийств, жесточайшим насилием над мирным населением, поджогами дехканских домов, чинимых басмачами. За сравнительно короткий срок—с 1920 по 1924 годы—дехканскому хозяйству было нанесено убытков на много миллионов рублей.

Так, например, «по Кенту[2] Гарм убито 157 человек, взято у населения 861 лошадь, 563 коровы, 3689 баранов. Общая сумма убытков, нанесенная басмачами, составляла 71985 рубл.;

[1] Политический отдел бухарской группы войск. Фонд Бухарского областного Историко-Краеведческого Музея Узбекской ССР. Инвентарный № 135—6.

[2] Кент—по административному делению приравнивается к волости.

по кенту Хост было убито 109 человек, взято 400 лошадей, 154 коровы, 3313 баранов, разрушено 35 домов».[1].

Перед частями бухарской группы войск со всей настоятельностью встал вопрос о скорейшем оказании помощи трудовому дехканству в деле ликвидации смертельного врага—басмачества. По приказу Реввоенсовета 13 стрелковый корпус, первый Алайский, второй Гиссарский Краснознаменные полки и другие части, совместно с 61 добровольческими отрядами, сформированными из бедняков и батраков, а также из рабочих каганских, бухарских и кокандских хлопковых заводов и других предприятий, вступают в борьбу с басмачами.

9 августа 1922 года 1-й Алайский Краснознаменный кавалерийский полк в районе кишлака Оби-Киик дал бой банде Ибрагим-бека, состоявшей из 2000 джигитов. Однако после удачно начатого наступления полк, ввиду отсутствия воды и продовольствия, вскоре был вынужден отойти в направлении кишлака Кокташ, затем—к городу Дюшамбе. 28-го августа полк снова атакует банду Ибрагим-бека, на этот раз в районе кишлака Дагана-Киик, и наносит ей серьезное поражение, преследует отступающих басмачей в направлении кишлаков Яван, Кара-Мечеть и города Бальджуан.

Отмечая крупные успехи частей Красной Армии, достигнутые при активной помощи трудящихся районов, где происходили бои, Чрезвычайная Диктаторская комиссия по делам Восточной Бухары 29 августа 1922 года обратилась ко всем трудящимся Восточной Бухары со следующим обращением;

«. . . 21 августа 1922 года наша героическая Красная Армия вместе с трудящимися массами Восточной Бухары, ликвидировала крупные басмаческие шайки, доныне оперировавшие и занимавшие Гиссар, Бальджуан и Куляб. Главарь этих шаек, локайский феодал Ибрагим-бек, со своими приближенными—ишанами, ходжами, муллами и аксакалами—27 августа, переправившись через реку Вахш, убежал в горы Сарсарак на территории Бальджуана.

Остальные джигиты и некоторые курбаши, обманутые до этого Ибрагим-беком, в силу их темноты и отсталости, теперь рассеялись и со всем своим оружием и боеприпасами сдались советской власти.

Чрезвычайная Диктаторская Комиссия, сообщая об этом, призывает всех трудящихся, весь народ Восточной Бухары к напряженной и энергичной борьбе с басмачеством, к мирному труду по восстановлению дехканского хозяйства.

По случаю освобождения Гиссара от басмаческой контрреволюции Чрезвычайная Диктаторская Комиссия с 1 сентября с/г. двинется из Каратага по направлению к Дюшамбе.

---

[1] Гос архив МВД Тадж. ССР ф. 2 ОП 1 дело 25 лист 9.

Эта структура оставалась почти неизменной, вплоть да образования ТАССР. . .

Президиум Чрезвычайной Диктаторской Комиссии по делам Восточной Бухары[1]

16-го сентября части второго Гиссарского Краснознаменного кавалерийского полка успешно атакуют банды Ибрагим-бека под кишлаком Локай-Беги и наносят им потери.

12 декабря этот же полк ведет бой в кишлаке Пушион, затем направляется в город Куляб. В этих боях героически погибли командир полка товарищ Сухопаров, политрук эскадрона товарищ Карташев и командир взвода товарищ Леоненко.

В январе 1923 года 1500 хорошо вооруженных джигитов из Дарвазского и Каратегинского бекства во главе с Селим-пашой осаждают гарнизон города Куляба. Басмачи неоднократно штурмуют крепость, но все их попытки овладеть ею ни к чему не приводят. Гарнизон красных войск, находившийся в крепости, мужественно отразил все атаки противника.

Приведенный неудачами в бешеную ярость Селим-паша отдает распоряжение перекрыть канал, снабжающий город и гарнизон водой. Одновременно атаман шайки предлагает гарнизону красных войск сдаться в плен и сдать свое оружие, обещая сдавшимся сохранение жизни и неприкосновенность. Командование гарнизона красных войск отвергло гнусное предложение Селим-паши и продолжало защиту крепости.

11-го января 1923 года басмачи сделали подкоп под стену крепости и произвели взрыв. Вслед за этим последовали одна за другой серия атак на крепость. Но осажденный гарнизон встречал каждый раз наступающую толпу басмачей сильным ружейным и пулеметным огнем. После трехчасового боя басмачи, потеряв свыше 300 джигитов, не добившись успеха, ушли в горы. 12 января в Куляб прибыл Алайский кавалерийский полк.

Красные войска начали 19-го февраля преследование банды Селим-паши в направлении Кизыл-Мазар, Кангурт и Янги-Базар. На другом участке—у кишлака Ляура 2-й Гиссарский полк всту-

---

[1] **Политический строй Восточной Бухары за период с 1920 по 1924 г. соответствовал строю всей Бухарской Народной Республики. Верховным органом народной советской власти Восточной Бухары с 1920 г. по июнь 1924 г. была Чрезвычайная Диктаторская Комиссия Бух. ЦИК"а по делам Восточной Бухары, проводившая свои мероприятия в полном контакте с Реввоенсоветом Восточной Бухары. При диктаторской комиссии существовали: Экономсовет (Экономсовещание), отдел Госконтроля, отдел Юстиции (в его составе: совет казиев и сиротская касса), Земельно-водный отдел, Строительный отдел, Реввоентрибунал, Управление охраны, отдел Лечебных заведений, Транспортное управление, отдел Народного просвещения, Чрезфинком, Ущуркомиссия (продовольственная комиссия).**

пает в бой с двухтысячной бандой Ибрагим-бека и наносит ей серьезное поражение.

Получив соответствующее подкрепление, полки возобновляют бои с бандами Ибрагим-бека в кишлаке Джелтыр-Тепе. Здесь части красных войск встретились с новыми трудностями, преодоление которых потребовало от командования красных войск высокой выдержки, организованности и пропагандистского таланта. Дело в том, что дехканство Локая, будучи почти поголовно неграмотным, целиком находилось под сильнейшим влиянием байства и духовенства. Подстрекаемое националистами, провокаторами, и другими контрреволюционными элементами, население почти целиком бежало в горы, бросив свои кишлаки.

Это обстоятельство поставило перед частями Красной Армии новую задачу—наряду с ведением борьбы с басмаческими бандами, вести также борьбу за упрочение на местах советской власти, за хозяйственное устройство дехканства. Одной из первостепенных задач становится политико-воспитательная работа среди населения. Были сформированы добровольческие отряды пропагандистов, состоявшие из представителей местных национальностей. Вместе с бойцами из регулярных частей и подразделений, под руководством политических органов Красной Армии они оказывали всемерную помощь местным коммунистам и советским работникам в деле ведения разъяснительной работы среди дехканства.

Разъяснительная работа среди населения сыграла большую роль и намного облегчила Красной Армии выполнить поставленную задачу.

Товарищ Ятов, находившийся с 1922 года в рядах 2-го Гиссарского кавалерийского полка в качестве бойца и переводчика у комиссара части по работе среди местного населения, вспоминает: «После того, как прибыли части в Яванский район, политработники полка почти каждый день проводили митинги, собрания, беседы с отдельными группами дехканства. В результате этой работы только из кишлака Яван вступили в ряды Красной Армии 15 человек из бедняков и батраков, из которых было сформировано отдельное отделение»[1]. Подобных воспоминаний можно привести много.

Части Красной Армии не только проводили разъяснительную работу среди дехканства. Они также заботились о восстановлении дехканского хозяйства. В одном из донесений, адресованном штабу 13-го стрелкового корпуса, командир части, оперировавшей в Курган-Тюбинском вилайете, пишет:

«Работники, назначенные в Джиликуль, не прибыли, чем затрудняется своевременное проведение кампании. В вилайете отсутствует кредит и валюта, чем затрудняется мобилизация работников для проведения кампании. . . . Необходимо срочно перевести 7000 рублей для приобретения трех каюков на переправу через Вахш и Кафирниган. . .»[1].

[1] Фонд Историко-Краеведческого Музея Таджикской ССР.

Пользуясь трудностями, с которыми встретились части Красной Армии, басмачество активизирует свои действия. Появляются новые банды, о существовании которых советским войскам до сих пор ничего не было известно.

В долине Явана 2-й Гиссарский полк ведет бой с басмаческими шайками, насчитывавшими 600 джигитов.

Около кишлака Яван 2-й Гиссарский полк столкнулся с крупными силами банд Ибрагим-бека. Потеряв до 100 джигитов убитыми, басмачи разбежались по горам.

В результате проведенной частями Красной Армии совместно с местными добровольческими отрядами разъяснительной работы среди населения, а также благодаря мероприятиям по хозяйственному устройству дехканства, народ стал разбираться в том, кто является его другом, а кто врагом. Даже в Локае, который в недавнем прошлом являлся политической и экономической базой басмачества и откуда происходил сам Ибрагим-бек, бандиты стали встречать сопротивление со стороны населения. Так, например, племя Карлюк, в среде которого особенно ощущалась зависимость дехканства от байства и духовенства и сильно было религиозное и националистическое влияние, направило Ибрагим-беку письмо следующего содержания:

> «. . .Мы, население Локая, сообщаем, что вы по зависти злодея эмира Бухарского разорили весь Таджикистан; с 1921 года, с начала басмачества, сколько отцов осталось без детей, сколько детей осталось без отцов, сколько женщин овдовело, во всем этом виноваты вы. Вы убивали всех. . .
>
> Прошло уже четыре года, как произошла революция в Восточной Бухаре. В продолжении четырех лет вы ведете войну против Красной Армии, но ничего не можете сделать, кроме пролития безвинной крови дехкан и изнасилования их жен и детей. . .
>
> . . .Мы, жители Восточной Бухары, благодаря революции стали хозяевами своего положения, поэтому мы предлагаем вам на основании постановления Дюшамбинского Курултая сдаваться и ваши прежние грехи будут забыты. Ваши действия мы ненавидим, мы, вооружившись и под руководством Красной Армии, начнем ликвидировать вас.
>
> Ждем ответа (137 подписей).»[2].

[1] Госархив Тадж. ССР, фонд 2, опись 1, дел 23, листы 25, 26, 28.

[2] Из воспоминаний подполковника в отставке Д. Д. Морокина, который служил в частях 13-го стрелкового корпуса с 1922 г.

Карлюки присоединились к басмачам лишь после того, как Ибрагим-бек расстрелял их вождей, включая главного муллу племени. Однако вынужденное силой оружия присоединение карлюков оказалось далеко не прочным. Проживающие в Локае узбекские племена Кунград и Дурмен, а также таджики, насильно вовлеченные в басмачество, переходили на сторону Красной Армии при первом удобном случае.

К этому времени на левобережье реки Вахш появляется бандитская шайка турецкого авантюриста Селим-паши, поставившая себе целью объединение всего басмачества Восточной Бухары. Учитывая это обстоятельство, командование 13-го стрелкового корпуса совместно с партийными и советскими организациями предпринимает контрмеры. Еще шире развертывается политико-разъяснительная работа среди населения. Принимаются меры к быстрейшему разгрому банды Ибрагим-бека с тем, чтобы не дать ей соединиться с Селим-пашой. Ибрагим-бек в свою очередь принимает все меры к тому, чтобы вовлечь в свои шайки как можно большее число локайских дехкан. Через байство и духовенство он распространяет среди населения провокационный слух о якобы чинимых красноармейскими частями насилиях над населением.

Одновременно он применяет карательные меры к вожакам непослушных ему племен. Он пытается вести контрреволюционную пропаганду и среди бойцов Красной Армии. Прикидываясь «вызволителем» и поборником законов религии ислама, он обращается к населению с такими листовками:

«О, братья красноармейцы, рабочие и народ, подпавшие под гнет большевистской власти. Да будет вам известно, будь-то мусульмане, русские или люди других национальностей и племен, что упомянутая власть вот уже в течение нескольких лет отнимает вас от Родины, религии, семьи, лишает вас имущества, может быть скоро души от Ваших тел отделит. Слава Аллаху, с помощью бога, Афганистана, Англии и других иностранных государств мы пришли для Вашего спокойствия.

Извещаем вас, что после получения сего освобождайтесь от угнетающей вас тиранической власти и начинайте борьбу за освобождение вашей религии, за свержение этой власти. После уничтожения власти и освобождения религии вы обретете покой, ваши богатства увеличатся. Соввласть добра не сделает, она только стремится к уничтожению вас—это вам самим хорошо известно. Безусловно вы начнете борьбу за уничтожение власти, за свое освобождение и за прогресс религии»[1].

Эта провокация Ибрагим-бека не дала ему желаемого результата. Политическая работа, проведенная частями Красной Армии, нашла среди широких масс трудового дехканства и даже многих племен в целом широкий отклик. Дехканство из племен бердыоглы, карлюк, марка отказалось поддержать Ибрагим-бека.

Тем временем между главарями басмачей начинается грызня за власть. Каждый из них претендует на пост «Главнокомандующего войсками Ислама». Усиливается вражда не только между Ибрагим-беком и Селим-пашой, но также между каждым из них с бывшим правителем Локая при эмирате Абдул-Рашид-беем.

В конце мая 1923 года Селим-паша с шайкой до 2500 джигитов прибывает в Локай. В это время Ибрагим-бек находившийся в Локае, имея в своем распоряжении 2000 бандитов, осаждал в кишлаке Оби-Киик 2-й Гиссарский Краснознаменный кавалерийский полк. Селим-паша, заняв урочище Донгул-Адыр, приказывает Ибрагим-беку вступить в его подчинение. Ибрагим-бек в свою очередь потребовал от Селим-паши безоговорочного подчинения, к тому же немедленной атаки осажденного полка, угрожая в случае неповиновения применить оружие.

Командование Красной Армии, используя противоречия среди главарей банд, принимает решение разгромить банды поодиночке.

Начинаются атаки на шайку Ибрагим-бека. В то же время первый Алайский полк со стороны кишлака Дагана-Киик атакует банду Селим-паши. Последний, потеряв свыше 200 джигитов убитыми, уходит на левобережье Вахша. Второй Гиссарский полк наносит шайке Ибрагим-бека серьезное поражение и преследует его в направлении гор Ранган-тау. В результате этого преследования банда Ибрагим-бека потеряла 500 джигитов.

На смену разгромленной банде появляется новая шайка бандитов Мустафул-бека. Вскоре и она разделила участь бандитов Ибрагим-бека и Селим-паши. Потерпев поражение, бандиты возвращаются к своим домам и приступают к уборке урожая, рассчитывая с окончанием уборочных работ возобновить борьбу против Советской власти. Первыми возвращаются в кишлак басмачи

[1] Бухарский Областной Историко-Краеведческий Музей, инв. 60.

из племени иса-ходжа, руководимые Абдул-Рашид-беем, вслед за ними—племя берды-оглы. Однако многие банды, повинуясь воле своих главарей, продолжали с оружием в руках воевать против Советской власти.

Перед командованием Красной Армии встает задача усилить политико-разъяснительную работу среди населения кишлаков, где в то время были чрезвычайно запутаны родовые, племенные и национальные взаимоотношения.

Результат такой работы не замедлил сказаться: в середине июля главарь из племени берды-оглы Али-Токсабо, пользовавшийся большим авторитетом у дехкан своего племени, переходит на сторону Советской власти. Вскоре 7000 человек из этого племени возвратилось к мирному труду.

Басмачи из племен карлюк и марка также вернулись к своим семьям. В Локае продолжали еще действовать наиболее отсталые части племени иса-ходжа, вождь которого Абдул-Рашид-бей происходит из того же племени, откуда происходил Ибрагим-бек. Но и этим бандам не долго пришлось орудовать. 20 июля Абдул-Рашид-бей был пойман в овраге Арпа-Булак. Плененный он принимает активное участие в разоружении своего племени. С мая по август Красной Армией в Локае было взято в качестве трофеев до 3000 штук различного огнестрельного оружия. За этот же период частями Красной Армии и местными отрядами было уничтожено свыше 1500 басмачей.

Разгром крупных банд басмачей, разъяснительная работа, проводившаяся партийной организацией и воинами Красной Армии среди населения, создали условия для установления Советской власти в Локае.

Решением Бухарского ЦИК"а во все местные ревкомы вводятся представители от действовавших в этих районах частей Красной Армии и местных добровольческих отрядов. Этим самым командиры и политработники красноармейских частей были привлечены к непосредственной работе по организации Советской власти в Восточной Бухаре. Это мероприятие имело огромное политическое значение. В лице представителей великого русского народа массы бедноты увидели своих братьев, пришедших им на помощь в борьбе с вековым врагом—реакционным духовенством, байством и их приспешниками—всякими авантюристами, подобными Энвер-паше, Ибрагим-беку, Селим-паше и другим.

В июле 1923 года был окончательно организован Локайский тюменный (уездный) Революционный Комитет с постоянным местом пребывания в кишлаке Дагана-Киик.

★★★

С завершением ликвидации банд Селим-паши и Ибрагим-бека, Коммунистическая партия и Советское правительство направляют вооруженные силы против банды Матчинского бека Саид-Амир-

Ахмед-хана, являвшейся к тому времени существенной опорой контрреволюционных буржуазных националистов Бухары и Туркестана.

В Матчинском бекстве, несмотря на существование в Туркестане в течение ряда лет Советской власти, порядки оставались почти те же, что при эмире. Матчинское бекство отдалено от Самаркандской области высокогорным Туркестанским хребтом, имеющим несколько труднодоступных горных перевалов, достигающих высоты 3—4 тысяч метров и открытых для движения всего 3—4 месяца в год. Матчинская долина, лежащая в верховьях течения реки Зеравшан, была крайне труднодоступна. Горные племена, населяющие Матчу принадлежали едва ли не к самым отсталым и политически наименее организованным, даже по тому времени, группам дехканства. Они были особенно сильно заражены религиозными националистическими предрассудками и находились в жесточайшей байской и духовной кабале. В силу этого, матчинские басмаческие шайки представляли из себя в достаточной степени стойкого противника, чему способствовали личные качества джигитов, жителей высокогорной местности, с детства привыкших к коню и оружию, так как Матча фактически была всегда полусамостоятельной и от Туркестанского губернаторства, и от эмирата.

Кроме банды Матчинского бека, в Северном Таджикистане действовала банда Холбута, насчитывавшая до 600 джигитов, а также другие, уже более мелкие банды, которые жестоко расправлялись с местными жителями и с русским населением, проживавшим в этих районах: поджоги, грабежи и убийства не имели предела.

Выполняя свой священный долг по освобождению трудящихся Таджикистана от басмаческого насилия, части Красной Армии приступают к ликвидации басмаческих банд на Севере Таджикистана. В период с 14 по 28 мая частями Бухарской группы у кишлака Тоскурган было уничтожено 600 джигитов из банды Холбуты. 4-го июня в районе города Ура-Тюбе шайкам Холбуты было вторично нанесено поражение. Остатки разбитых банд ушли через перевал Обурдон в Матчу. Однако, пополнив свою шайку матчинцами, басмачи в количестве 700 джигитов в июне появляются в Ура-Тюбинском районе.

23-го июня одна из шаек, насчитывающая 120 джигитов, во главе с курбаши Имамкулом была полностью уничтожена дивизионом 3-го кавалерийского полка у кишлака Джума-Базар. В результате этого разгрома и проведенной политико-разъяснительной работы в течение июня месяца на сторону Красной Армии из состава шайки Холбута перешло 169 басмачей, сдавших 56 винтовок, 17 револьверов.

Басмачество Ура-Тюбинского района продолжало пополняться за счет остатков матчинских шаек. К концу июня в Ура-Тюбинском районе было сосредоточено до 2000 басмачей.

10-го июля шайка курбаши Афсирхона, брата Матчинского бека, в количестве 350 джигитов, в кишлаке Сан-Зар окружает эскадрон конных разведчиков. В результате короткого боя, эскадрон, нанося басмачам серьезные потери, выходит из окружения.

В течение октября и ноября 1923 года части Красной Армии ведут непрерывные бои против банд Ачиль-Ишан--Бека, Мирзы-Юсупа, Хамра-Кула и Базар-бека, насчитывавших до 2200 вооруженных джигитов. В декабре месяце Реввоенсовет Туркестанского фронта решает покончить с матчинским гнездом басмаческой контрреволюции и освободить дехканство Матчи из-под гнета бека и басмаческих главарей. Основной удар было решено нанести со стороны Пенджикента, вверх по долине реки Зеравшан. В этом же направлении активизируют свои действия и басмачи.

В январе 1923 года шайка Саид-Амир-Ахмед-хана, численностью до 800 джигитов, окружает стоявший в кишлаке Урмитан 2-й экскадрон 3-го Бальджуанского кавалерийского полка, имевший на вооружении 100 сабель и 3 станковых пулемета. Эскадрон под сильным натиском превосходящих сил противника отходит к кишлаку Вашист. Но уже назавтра 2-й эскадрон переходит в наступление, занимает кишлаки Дашти-Казы, Ябон и Уата, преграждая путь бандитским шайкам к городу Пенджикенту. В течение последующих двух дней басмачи потеряли свыше 100 джигитов.

5-го января к шайкам Саид-Амир-Ахмед-хана присоединяются шайки Мирзы-Юсупа, Афар-хана, Амар-хана, Турабека, численностью до 1500 джигитов с 5-ю пулеметами и двумя орудиями. С рассветом 6 января шайка в 600 джигитов, в кишлаке Дашты-Козы, атакует 3-й взвод 2-го эскадрона. В течение 8 часов взвод отбивает басмаческие атаки и наносит противнику серьезное поражение. Одновременно первый взвод эскадрона тов. Мурова ведет бой с басмачами численностью до 500 человек.

Утром 8-го января банда Саид-Амир-хана в количестве 1500 джигитов атакует Бальджуанский кавалерийский полк, но, потеряв 150 человек убитыми, банда отходит в кишлак Урмитан. Здесь она получает 500 человек подкрепления и возобновляет свои атаки. 2-й эскадрон 3-го Бальджуанского кавалерийского полка совместно с батальоном 12 Туркестанского стрелкового полка, сломив упорное сопротивление противника, занимают кишлак Дардар. Басмаческие шайки, снова получившие крупное подкрепление, объединяются под командой Афар-хана и продолжают атаки. 13 февраля части Красной Армии переходят в решительное наступление. Уничтожив более 150 джигитов, советские войска занимают кишлак Варзиминор и вступают в бой с главными силами басмачей, руководимыми Афар-ханом. После боя басмачи, потеряв свыше 300 человек, уходят вверх по течению Зеравшана.

Советские войска пытались преследовать противника, однако вскоре пришлось отказаться от такого намерения, так как все мосты через реку были взорваны отступающими. Этим обстоятельством незамедлили воспользоваться басмачи. Получив большое количество боеприпасов, они по горным тропам начали обходить батальон 12 стрелкового полка. Чтобы не оказаться отрезанным от своего тыла, батальон вынужден был отойти к кишлаку Урмитан.

6-го февраля 1923 года 3-й Бальджуанский кавалерийский полк переходит в наступление, имея цель разгромить банду Афар-хана. К концу дня полк занимает кишлаки Зарафат и Дардар. В последующие два дня басмачи пытаются выбить полк из занятых им кишлаков, но потеряв свыше 100 джигитов убитыми, уходят вверх по долине реки Зеравшан.

Преследуя отступающую банду, полк 10 февраля занимает кишлаки Искандар, Хушикат и Варзиминор, уничтожив при этом более 300 джигитов. Красные войска захватили в этом бою много оружия и лошадей. Утром 13-го февраля полк занимает кишлак Засун. К полудню 3-й Бальджуанский кавалерийский полк был атакован басмаческими шайками Мирзы-Юсупа, Холбуты и Нурратшо, насчитывавшими свыше 500 джигитов, но потеряв больше 150 убитыми, банды стали отходить в направлении кишлаков Таумень и Фатьме.

15 февраля 1923 года полк был атакован басмаческой шайкой, состоявшей из 800 джигитов. На этот раз басмачи потеряли убитыми курбашей Мирзу Юсупа, Келатдоро Курбана и свыше 200 джигитов. В этом же бою был смертельно ранен сам Саид-Амир-хан.[1]

26 февраля шайка Холбуты, численностью в 400 человек, пыталась выбить части Красной Армии из кишлака Засун, но, потеряв свыше 50 джигитов, отошла к кишлаку Гузарабад.

В течение марта месяца 3-й Бальджуанский кавалерийский полк имел еще ряд мелких стычек с сильно потрепанными бандами матчинских басмачей. К апрелю 1923 года матчинское басмачество было разгромлено.

★★★

Очередной задачей частей Красной Армии явилась ликвидация басмаческих банд в Западной Бухаре. Из наиболее крупных здесь считались шайки муллы Абдул Кагара, Мир Павлана, Курата, Ислам-Караул беги и Рустам-Касаба. Но эти шайки, наслушавшись «вестей» о плачевных результатах походов своих единомышленников в Восточной Бухаре, с каждым днем ослабляли сопротивление. Все более активно стало помогать частям Красной Армии местное население, убедившееся на деле, что их друзьями являются не те, кто, прикрываясь именем ислама, забирают у бед-

[1] Из воспоминаний тов. Валиходжаева, участника боев. Позже председатель Ревкома Матчи.

няков последнюю скотину, а настоящими друзьями народа являются воины с красными звездами на головных уборах, воины Красной Армии.

Как и в Восточной Бухаре, командиры, политработники и бойцы Красной Армии, совместно с партийными и советскими организациями на местах, проводят агитационно-массовую работу в кишлаках, разъясняют широким массам трудового дехканства цели басмачества, причины возникновения этих банд; одновременно населению разъяснялась новая экономическая политика Коммунистической партии и Советского Правительства, ее преимущества для дехкан.

Повсеместно начинается чистка партийного и государственного аппарата от случайно пробравшихся туда элементов эксплуататорских классов. Это мероприятие привело к потере басмачами поддержки в кишлаках и массовому отходу от басмачества дехкан, обманным путем вовлеченных в контрреволюционные банды.

В донесении командования одного из подразделений Красной Армии, относящемся к июлю 1924 года, говорится:

«1-го июля сдался курбаши Мулла-ахун, помощник Берды, 3 джигита. Все 5 человек с оружием, у троих линейная винтовка, 718 патрон, одна берданка с 30 патронами и один полевой бинокль № 1380»[1].

С разгромом басмачества в Западной Бухаре, главным театром военных действий становится Средняя Бухара, где к тому времени действовали басмаческие шайки Рахман Берды, Мустафа Куль, Утан-бека, Бабахана токсабо, муллы Хальдара, Хусаин таксабо и других, всего до 1000 вооруженных джигитов. Кроме того, в Средней Бухаре периодически появлялась шайка Хурам бека, насчитывавшая до 500—600 вооруженных джигитов. Все эти шайки, некогда имевшие в своих рядах в 5—6 раз больше джигитов, теперь, предчувствуя свое неминуемое поражение, отчаянно сопротивлялись. Если раньше они действовали под флагом «защиты веры, религии», то теперь стали на путь жесточайшего террора и насилия по отношению к трудовому дехканству. Эта террористическая деятельность вожаков басмачества являлась характерным признаком предсмертной агонии контрреволюции.

Воинам Красной Армии приходилось вести борьбу не только против открыто действовавших остатков разгромленных банд, но и против скрывающихся под маской «революционеров» баев и мулл, бывших эмирских чиновников и их вдохновителей-буржуазных националистов, которые во время бухарской революции пробрались в партийный и государственный аппарат республики и всеми силами препятствовали социалистическим преобразованиям в Таджикистане.

[1] Госархив МВД Таджикской ССР, фонд 25, опись I, дело 10, лист I.

Контрреволюционные буржуазные националисты всячески препятствовали преобразованию Бухарской народной республики в социалистическую республику и вхождению ее в состав Союза ССР, создавали помехи на пути осуществления намеченного Коммунистической партией и Советским правительством национального размежевания советских республик Средней Азии, которое должно было положить конец политике национального неравенства, национального угнетения, национальной вражды, политике, созданной вековым господством эксплуататорских классов.

★★★

После разгрома основных сил басмачества в Бухаре и в бывшем Матчинском бекстве, происходят крупные политические события, решившие окончательный исход битвы Красной Армии с басмачеством в бывшем бухарском ханстве.

7-го июня 1924 года Диктаторской комиссией Восточной Бухары совместно с представителем бухарского правительства выносится постановление о советизации Восточной Бухары.

18-го сентября 1924 года 5-й Всебухарский курултай (съезд) Советов вынес постановление, в котором говорилось: «Выражая верховную волю народов Бухары, объявляем согласие на образование совместно с узбеками Туркестана и Хорезма Узбекской Советской Социалистической Республики и Таджикской Автономной области. Выражаем также братское согласие на вхождение туркменского народа Бухары в состав Туркменской Советской Социалистической Республики. Курултай решительно устанавливает необходимость вхождения Узбекистана и Туркестана в СССР»[1].

4-го ноября 1924 года Узбекское бюро по национальному размежеванию вынесло постановление, в котором говорилось: «Согласиться с решением Таджикской комиссии об образовании Таджикской республики со вхождением ее в состав Узбекской независимой республики.

Не возражать против включения в состав Таджикской республики Пенджикентского района в составе следующих волостей: Пенджикентской, Автобруинской, Искандеровской, Кштутской, Магиано-Фарабской, Фальгарской и Ура-Тюбинского района в составе волостей: Ура-Тюбинской, Басмандинской, Ганчинской, Дальянской, Матчинской и Шахристанской».[2].

18-го ноября 1924 года Всебухарский ЦИК выносит постановление о ликвидации Бухарской Народной Советской Республики. Несмотря на отчаянное сопротивление буржуазно-националистических группировок, засевших в бухарском правительстве, национальное размежевание советских республик Средней Азии было

[1] Госархив МВД Таджикской ССР, фонд 9, опись 3, дело 303, лист. 3.

[2] Цитирую по книге К. Житова. В. Непомнина. От колониального рабства к социализму, Ташкент, 1939, стр. 113.

осуществлено. Части территории Бухарской Народной Советской Республики, населенные туркменами, присоединены к Туркменской Советской Социалистической республике.

Через три месяца, 17 февраля 1925 года, на учредительном съезде Советов Узбекской ССР узбекский и таджикский народы, возрожденные к жизни Великой Коммунистической партией, пожелали добровольно войти в состав Советского Союза. 13-го мая того же года Узбекская ССР с входящей в ее состав Таджикской АССР вошла полноправным членом в великий Союз Советских Социалистических Республик. Национальное размежевание нанесло решительный удар басмаческому движению, лишив главарей контрреволюционных буржуазных националистов поддержки со стороны последних остатков обманутого ими дехканства.

Национально-территориальное размежевание окончательно объединило таджикский народ в единую семью и в единый полноправный государственный организм, тем самым положив конец национально-племенной разобщенности и разрозненности. Таджикский народ вышел на широкую дорогу мирного созидательного труда.

Таджикская АССР объединила территории Кулябского, Гармского, Дюшамбинского, Курган-Тюбинского, Каратегинского, Дарвазского, Сары-Ассинского вилайетов бывшей БСНР, Горно-Бадахшанского, Ура-Тюбинского, Пенджикентского вилайетов, выделенных из Туркестанской АССР.

Для управления Таджикской республикой и для подавления сопротивления контрреволюционных националистов, байства и кулачества и подготовки к созыву учредительного съезда Советов, было создано 26 ноября 1924 года Временное Правительство в лице Революционного Комитета Таджикской АССР. Ревком Таджикской АССР объявил днем провозглашения республики 15 марта 1925 года.

В одном из первых постановлений Ревкома Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики от 19-го мая 1925 года «Об упразднении бывшего эмирского аппарата» отмечалось: «После революции в России и Бухаре, когда власть эмира была опрокинута и трудовые массы взяли управление государством в свои руки, старый эмирский аппарат, его чиновники, которые ранее издевались над трудовым беднейшим дехканством, обирая его со всех сторон, оставались у власти в качестве амлякдаров»[1].

Особенно широко развернули амлякдары свою антинародную деятельность на территории бывшей Восточной Бухары, где сразу установить твердую Советскую власть не представлялось возможным. Амлякдары под видом взимания налогов продолжали здесь обирать население, сдавая в кассы государства лишь незначительный процент доходов, основную же часть их присваивали для удовлетворения своих нужд и для снабжения басмачей.

[1] Амлякдары в республиках Средней Азии в 1924—1925 г. г. собирали налоги.

Учитывая эти обстоятельства, Революционный Комитет Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики постановил упразднить существующий на территории Таджикской АССР аппарат амлякдаров, а всю работу по проведению налогово-финансовый политики в Таджикистане возложить на НКФ Таджикской АССР и его местные органы.

Все распоряжения, изданные амлякдарами, были объявлены утратившими силу закона и не подлежащими исполнению.

В первые же дни своего существования молодая автономная республика столкнулась с величайшими трудностями, мешавшими налаживанию нормальной жизни населения. Республика, при сравнительно большой отдаленности от крупных политических и экономических центров не имела с ними регулярной связи. Разобщенность имела место и между районами внутри самой республики. Отсутствовали связь, пути сообщения. Сельское хозяйство было разорено басмачами. На каждом шагу ощущалось влияние пережитков феодализма.

Коммунистическая партия ставит перед собой в качестве первоочередной задачи ликвидацию басмачества, источника всех беспорядков в республике. Весной 1925 г. партия и Советское правительство направляют все силы на ликвидацию остатков басмачества. Одновременно была объявлена амнистия, в которой говорилось, что басмачам и их курбаши, сдавшим представителям Советской власти оружие и вернувшимся до 15-го июня 1925 года к мирному труду, гарантируется неприкосновенность.

В результате энергичных мер, осуществленных партийными и советскими органами при активном участии трудового дехканства, число действующих басмаческих шаек стало значительно сокращаться. Это объяснялось не только боевыми действиями частей Красной Армии, но и повседневной разъяснительной работой советских политических органов.

В различных местах вскоре были созданы добровольческие отряды из трудового дехканства, которые целиком посвятили себя борьбе с басмачеством. Большой размах приобрела деятельность отрядов краснопалочников, которые также оказывали помощь частям Красной Армии в разрешении поставленной задачи.

Со своей стороны главари басмачества жестоко расправлялись с дехканами, сочувствовавшими Советской власти и ее Красной Армии. Басмачи сжигали посевы, убивали отдельных дехкан и целые семьи, учиняя над ними страшные издевательства.

Байство и духовенство, до сих пор активно действовавшие с оружием в руках против частей Красной Армии, видя тяготение основной массы трудового дехканства к советской власти, начали применять новую тактику борьбы, прикидываясь «друзьями» совет-

ской власти, просачиваясь в советские и партийные органы. Пробравшись на руководящую работу в Советы, партию, комсомол, они продолжают в то же время оказывать активную помощь басмачам, снабжая их информацией о частях Красной Армии, продовольствием, снаряжением и т. д. Вскоре обнаружилось, что советский аппарат, вплоть до вилайет-исполкомов, еще сильно засорен пособниками басмачей из числа баев и представителей духовенства.

Разоблачение этих лиц нанесло новый удар по планам басмачества и их вдохновителей: началась чистка советского аппарата, которая сыграла большую роль в освобождении советских органов от враждебных элементов и укреплении Советской власти на местах.

«За время ударной кампании 1926 года, говорится в отчете Оргбюро ЦК КП(б) Узбекистана, в Таджикской АССР Красная Армия имела с басмачами 267 сражений, было убито и взято в плен 20 курбашей, 199 рядовых джигитов, захвачено 11 пулеметов, 95 винтовок, 31 револьвер, 126 шашек. Сдалось добровольно: 25 курбашей, 237 джигитов, сдано 127 винтовок, 170 мультуков, 28 револьверов, 50 шашек»[1].

Таким образом достигалась двоякая цель: путем усиления военного нажима достигался разгром вооруженной силы басмачества, хозяйственные же мероприятия, заинтересовывая население в укреплении Советской власти, отталкивали его от басмачества и закрепляли результаты военного нажима.

Длительная борьба с басмачеством, потребовавшая максимального напряжения сил и средств народа, наложила глубокий отпечаток на экономику молодой автономной республики Таджикистана.

Грабежи, непомерные поборы, чинимые басмаческими шайками над трудовым дехканством, вынуждали последнее бросать столетиями насиженные места и уходить в горы. Оставленные незаселенными сотни тысяч га плодородных массивов заросли бурьяном. Особенно ощущался упадок на хлопковых массивах. В 1924—25 годах под хлопчатником осталось лишь 5% площади, засевавшейся этой культурой до начала военных действий. По республике к концу военных действий под хлопчатником было занято всего лишь 1800 гектаров земли.

Резкому сокращению посевных площадей во многом способствовало разрушение значительной части ирригационной сети. Из имевшихся в 1914 году 328000 гектаров орошаемых земель к концу военных действий оказалось под посевом 130.000 гектаров.

Общий упадок сельского хозяйства не мог не сказаться на состоянии животноводства в республике. Общее поголовье уменьшилось по сравнению с довоенным уровнем на 62%.

[1] Отчет Оргбюро ЦК КП(б) Уз. в ТАССР 1925—1927 г.г. стр. 5.

Резко сократилась в республике и торговля. В связи с тем, что в ходе боевых действий железнодорожная линия Термез-Керки была выведена из строя, фактически приостановилась торговля не только между Таджикистаном с другими республиками Средней Азии, но и между отдельными районами в самой республике.

При этом всеобщем упадке хозяйства и культуры страны советская власть, ликвидировав основные кадры басмачества в Таджикистане, нашла необходимым направить все усилия народа на восстановление сельского хозяйства.

Политика партийных и советских органов на этом этапе сводилась к следующим основным задачам:

1. Содействие путем сельскохозяйственного кредита и других мероприятий максимальному развертыванию хозяйства бедняцких и середняцких групп дехканства.

2. Всемерное способствование увеличению фонда полезных земель, как поливных, так и богарных.

3. Принятие энергичных мер к ликвидации малоземелья в аграрно-уплотненных районах путем переселения и расселения хозяйств.

Мероприятия, предпринятые партией и правительством в целях возрождения хозяйства республики, не замедляли сказаться. Поливная площадь, начиная с 1925—26 г. г., стала увеличиваться:[1]

Наименование вилайетов.	Посевная площадь в тыс. гектаров		
	1924-25 гг	1925-26 гг.	1926-27 гг.
Гарм	20. 0	20. 0	21. 3
Гиссар	34. 3	37. 1	49 7
Кулябб	6. 6	10. 6	17. 3
Курган-Тюбе	17. 5	34. 2	40. 8
Пенджикент	13. 7	13. 7	13. 7
Ура-Тюбе	34. 3	34. 3	34. 3
Горный Бадахшан	3. 6	3. 6	3. 6
Итого:	130. 0	153. 5	180. 7

Наибольшие успехи, как видно из приведенной таблицы, были достигнуты в вилайетах, сосредоточенных около главнейших водных артерий—Кулябском, Курган-Тюбинском и Гиссарском.

Благодаря братской помощи великого русского народа и народов других братских республик увеличилась не только посевная площадь, но и урожайность полей. Общая посевная площадь в 1927 г. по сравнению с 1925 г. возросла по республике на 27%, главным образом, за счет поливных площадей. Одновременно оказывается агропомощь земледельцам и, в первую очередь, хлопко-

[1] Отчет Оргбюро ЦК КП(б) Уз. в ТАССР 1925—1927 г.г. стр. 20.

робам, создаются опытные поля. Для осуществления этих мероприятий союзное правительство ассигновало 100000 рублей.

Агропомощь осуществлялась через агропункты хлопкома. Всего агропунктов хлопкома по Таджикской ССР было три. Кроме агротехнической помощи Советское правительство оказало большую помощь дехканскому хозяйству новейшим сельскохозяйственным инвентарем, в общей сложности, на сумму 234.427 р. 38 коп.

Промышленность Таджикистана находилась в зачаточном состоянии. Начало строительства промышленных предприятий мелкого типа относится к 1926 году.

В Дюшамбе были построены, оборудованы и частью пущены в эксплуатацию следующие предприятия:

1. Электростанция, освещавшая часть города и учреждения.
2. Мельница на два постава.
3. Маслобойный завод.
4. Мыловаренный завод
5. Слесарно-механические мастерские.

В целях избежания накладных расходов по управлению отдельными предприятиями был организован трест местной промышленности, объединяющий все промышленные предприятия.

Чтобы удовлетворить запросы населения, советские органы власти организовали массовый завоз товаров в республику. Функция завоза товаров была возложена на Бухгосторг и Туркоенкоп, которые за один только год завезли разных промтоваров на сумму 1.150.000 рублей.

В 1924 году Бухгосторг передал свои завозные функции Узбекторгу, который уже к 1-му октября 1925 года насчитывал на территории Таджикистана 19 торговых точек. Соответственно увеличивался и завоз товаров. Так, на 1924—1925 г. г. фактически было завезено товаров на 3200.000 рублей.

1925—26 операционный год был годом установления плановых начал в торговом обороте. В 1926 году на территории Таджикистана функционируют 5 торгово-государственных организаций: Узбекторг, Госсельсклад, Нефтесиндикат, Средазкнига, Текстильсиндикат, а также кооперативных ячеек, в том числе и Дюшамбинское райпо, всего с общей торговой сетью в 56 распределителей.[1]

Узбекторг	33	торг. распределителей.
Текстильсиндикат	1	—« »— —« »—
Госсельсклад	6	—« »— —« »—
Нефтесиндикат	2	—« »— —« »—
Райпо	14	—« »— —« »—

Всего: . . . . 56 торговых распределителей.[1].

[1] См. отчет Оргбюро ЦК КП(б) Уз. в ТАССР.

План на 1925—26 г. г. предусматривал завоз промтоваров на 7.500.000 рубл, а фактически было завезено на 7.706.622 рубл. (превышение плана на 2,7%).

Текстильные изделия	3354360 руб. — 50.3%,
Металлические изделия	346810 руб. — 5.2%,
Кожаная обувь	53407 руб. — 0.78%,
Пище-вкусовые изделия	1277356 руб. — 19.13%,
Строительные материалы	311893 руб. — 4.67%,
Сельскохозяйственный инвентарь	631880 руб. — 9.45%,
Прочие:	698482 руб. — 10.47%[1]
Всего.	6.674.188 руб, 100%

На территории ТАССР, за исключением Пенджикентского и Ура-Тюбинского вилайетов, к моменту национального размежевания совершенно не имелось кредитной сельскохозяйственной кооперации. С 1-го апреля 1925 года было организовано агентство в гор. Дюшамбе, перешедшее в октябре 1925 года в отдел сельскохозяйственного Банка Уз. ССР. С 1-го октября 1926 года учреждено Таджикское общество Сельскохозяйственного Кредита.

Сеть кредитных товариществ за 3 года—с 1923 по 1926 год—увеличилась на 440 процентов. За тот же период число членов товариществ увеличилось на 29.8%.

Развитие сети кредитных товариществ и рост числа членов за указанные три года были следующие:

	1923—24 г. г.	1924—25 г.	1925—26 г.
Количество товариществ.	20	53	88
Число членов	3865	7934	11562

С большими трудностями столкнулись органы Советской власти и в области народного просвещения. Эти трудности определялись не только отсталостью и почти поголовной неграмотностью населения, но и дореволюционной системой образования, в которой доминирующую роль играло духовенство. Эта система являлась основным препятствием, которое народное просвещение должно было преодолевать на пути своего развития.

[1] См. отчет Оргбюро ЦК КП(б) Уз. в ТАССР.

Школьная сеть по вилайетам в 1924—25 г. г.

Вилайеты.	Старометодные школы	Советские школы и детдома
Гиссарский	678	4
Кулябский	341	3
Курган-Тюбинский	62	—
Гармский	462	1
Г Б А О	Сведен. нет	3
Ура-Тюбинский.	113	16
Пенджикентский	21	5
Всего:	1677	32

Приведенная таблица достаточно характеризует то соотношение, которое существовало между двумя указанными выше системами образования. Необходимо отметить, что указанные советские школы имели ряд крупнейших дефектов. Одним из них было то, что для таджикского состава учащихся преподавание велось на узбекском языке, равно как и учебники были только на узбекском языке.

Такое положение было вызвано отсутствием кадров учителей таджиков и учебных пособий на таджикском языке. Школы не имели подходящих зданий, необходимого инвентаря, учебных принадлежностей. В общем преподавание в советских школах было поставлено не лучше, чем в старометодных, причем в старометодных школах занятия проводились на родном языке—таджикском. Рассчитывать в этих условиях на завоевание авторитета среди населения советской школе было трудно.

Указанные выше обстоятельства поставили перед органами народного образования ряд задач, в основном сводившихся: а) к подготовке кадров учителей для начальных школ путем организации краткосрочных педагогических курсов; б) к постепенному развертыванию школьной сети и преодолению наблюдавшегося у населения предубеждения к советской школе, путем проведения разъяснительной работы и выявления на основе практической деятельности советских школ их преимуществ перед старометодными.

Борьба за советскую школу в кишлаке и преодоление предубеждений дехканства к ней имела важное значение не только для увеличения притока учащихся в советские школы, но и в отношении некоторых вопросов организационного характера, которые не могли быть разрешены без участия самого населения.

Здесь, главным образом, необходимо указать на отсутствие в кишлаках пригодных для школ помещений и невозможность развернуть школьное строительство за счет средств Госбюджета пропорционально росту школьной сети.

[1] Отчет Оргбюро ЦК КП(б) Уз. в ТАССР. 1925-26 г.г. стр. 61

Проведенные в 1925—26 годах кампании—двухнедельник и месячник просвещения дали положительные результаты. Силами и средствами местного населения было построено в общей сложности 62 здания, конечно не удовлетворявших даже элементарных требований школьного строительства, однако давших реальную возможность к быстрому развертыванию школьной сети, характеризовавшейся к этому времени следующими показателями:

начальных школ — 57,
детдомов — 8,
ликбезов — 63,
совпартшкол — 1.

В ходе развертывания школьной сети возникали новые сложные задачи, требовавшие оперативного разрешения—это организация женских школ. Однако на первых порах в силу общеполитической обстановки не было возможности организовать женские школы. Лишь в 26—27 г. г. появились первые женские школы ликбеза.

Всего к 1926/27 г. г. по Таджикской АССР функционировало 155 школ.

Следует отметить, что росла школьная сеть, главным образом, за счет начальных школ. Рост детдомов шел очень медленно.

Распределение сети начальных школ по национальному признаку:

	В 1924-25 г.	%	В 1925-26 г.	%	В 1926-27 г.	%
Таджикских	19	76	42	73. 5	102	70
Узбекских	5	20	14	24. 5	35	24. 4
Киргизских	—	—	—	—	3	2
Туркменских	—	—	—	—	3	2
Русских	1	4	1	2	2	1. 6
Итого:	25	100	57	100	145	100
Интернатов	6	—	8	—	10	—

Рост культурно-просветительных учреждений (клубы, красные чайханы и библиотеки) был совершенно незначителен, что объясняется, главным образом, недостатком средств.[1]

Быстрый рост школьной сети, обусловленный в значительной мере помощью самого населения, говорит за то, что советская система образования стала быстро завоевывать прочное положение в республике.

[1] Отчет Оргбюро ЦК КП(б) Уз. в ТАССР.

Существовавшее административное деление Таджикистана, которое в основном сложилось в эпоху эмирата и при Бухарской республике, а затем после национального размежевания подверглось только некоторой перестройке, не соответствовало задачам хозяйственного и культурного строительства и не обеспечивало интересов национальных меньшинств. Административное деление Таджикистана характеризовалось еще и отсутствием единообразия в некоторых вилайетах. В одних существовало деление на кенты, в других на тюмени и т. п.

Такое административное деление не отвечало особенностям хозяйственного и национального порядка и неизбежно вызывало волокиту, затрудняло руководство и связь населения с центром.

Чтобы устранить помехи, надо было приступить к районированию республики. Но здесь возникли новые трудности: отдаленные районы были слабо изучены. Возникла необходимость создания особой комиссии с привлечением ряда специалистов.

Основными задачами районирования являлись:

а) установление такого административного деления, чтобы административные единицы совпадали с хозяйственными районами, административный центр—с экономическим (например, базарным пунктом, к которому тяготеют населенные пункты данной административной единицы) и чтобы хозяйство административной единицы было более или менее однообразно и связано общей ирригационной сетью;

б) административные единицы не должны были быть оторванными друг от друга в географическом отношении;

в) приближение советского аппарата к массам. В этих целях сеть джамсоветов, особенно в горных и территориально разбросанных районах должна была быть расширена.

Успех районирования, правильное установление сети джамсоветов, районных центров в значительной мере зависело от подготовленности дехканских масс к пониманию намеченных мероприятий.

Аппарат власти на территории бывшей Восточной Бухары до национального размежевания определялся существовавшим тогда строем БСНР, ее законодательством. Так, вместо единолично назначаемых при эмирате беков, амлякдаров и других чиновников, была установлена система управления, основанная на выборных началах. Были организованы тюменские и кентские исполкомы. Сельские советы как таковые не существовали и их функции выполнялись единолично аксакалами, избираемыми населением.

После национального размежевания и образования Таджикской АССР система управления была изменена на основе широкого выборного начала и организации сети до того не существовавших сельских (джамагатских) советов с привлечением для работы в них, вместо чиновничества и байства, широких слоев беднейшего и середняцкого дехканства. Однако эти изменения в системе управления достаточно полно были проведены лишь после ликвидации басмачества—в ходе избирательной кампании 1926 года.

В результате этой кампании по всей Таджикской АССР было организовано: а) 253 джамагатских советов с 1600 членами и 250 кандидатами, б) 120 тюменских и два районных исполкома с 444 членами, в) 7 вилайетских исполкомов с 215 членами и 70 кандидатами и, наконец, избран ЦИК с 97 членами и 37 кандидатами.

Еще задолго до организации избиркомов, пользуясь недостатками в агитационно-разъяснительной работе советских органов среди населения, активизируется байство, стремившееся путем проведения секретных собраний (например, в Гарме), подлогов и запугивания, а также дискредитации советских работников, провести своих кандидатов в советы. Местами, как, например, в Файзабадском и Янги-базарском тюменях, баям удается на время вырвать инициативу у избиркомов и под видом середняков провести своих ставленников в тюменские исполкомы. Аналогичная картина наблюдалась по отдельным районам Курган-Тюбинского и Кулябского вилайетов.

Попытки байства захватить в свои руки советский аппарат встретили отпор со стороны основной массы кишлака. Например, в Регарском кенте Гиссарского вилайета, Хаитском тюмене Гармского вилайета и в других местах дехканство отвергло байские кандидатуры, а местами даже выгоняло баев с избирательных собраний.

Наиболее засоренным оказался советский аппарат в Янги-базарском и Файзабадском тюменях Гиссарского вилайета, Оби-Гармском тюмене Гармского вилайета и Ховалингском тюмене Кулябского вилайета. Благодаря проведенной чистке советский аппарат в указанных районах был значительно оздоровлен.

Несмотря на недостаточность агитационной предвыборной кампании, отсутствие опыта у членов избирательных комиссий, подлых попыток байства и их агентуры сорвать выборы, в них все же приняло участие в среднем 35—40% жителей.

Возросшая активность трудового дехканства выявилась не только в обострении вопроса о земле, требовании ускорения решений земельно-водных споров, но и в повышенном интересе к целому ряду основных моментов строительства хозяйства и культуры, как-то: улучшению ирригиационных работ, своевременному и полному кредитованию, вопросам здравоохранения и просвещения.

Показателем активности масс может также служить все более развертывавшаяся здоровая критика, которой подвергали дехкане советский аппарат в целом, а также отдельных его работников.

Кампания выявила возросшую активность и сознательность трудового населения, его стремление к освобождению от влияния байства, осознание народом целей и задач Советской власти.

Одним из основных недочетов проведенной кампании нужно считать недостаточное вовлечение женщин в выборную кампанию в Советы.

Результаты выборов в джамсоветы и в тюменные исполкомы характеризуются следующими данными:[1]

По социальному положению:

Батраки	Чайрикеры	Малоземельн.	Середняки	Служащие	Рабочие	Кустари	Баи
в джамсоветы:							
11,7%	1.1%	39.4 %	35.9 %	0.6 %	1.2%	0.4%	0.2 %
невыяснено 9.5 %							
в тюмисполкомы:							
12.6%	0.22%	32.69%	32.40 %	11.25%	0,90 %	7%	0.68 %
невыяснено 2,26%							

Количественный состав бедняков, входящих в состав советов по различным вилайетам, показывает степень прочности Советской власти на местах. Так, например, если в Пенджикентском вилайете в Совет вошло всего лишь 55 бедняков, то в Гиссарском вилайете, где Советская власть была более упроченной, число бедняков в новом составе советов достигло 481 человек.

Соответственно имела место разница в середняцком составе советов: от 24 (в Ура-Тюбинском вилайете) до 277 человек (в Гиссарском вилайете). Рабочая прослойка в советах была незначительной: в Ура-Тюбе—3 человека, в Кулябе—21 человек, в Гарме —12 человек.

По национальному составу в советах были представлены: таджиков—68%, узбеков—20%, киргизов—3,2.% Остальную часть представляли туркмены, казахи и проч.

Первый Учредительный съезд Советов состоялся 1-го декабря 1926 года. В основном съезд рассмотрел вопросы советского строительства, восстановления и развития народного хозяйства страны, национальной политики и обеспечения интересов национальных меньшинств. Помимо этого съезд рассмотрел и принял решение по вопросам о таджикских национальных формированиях РККА, о правах женщин (запрещение калыма, многоженства, выдачи замуж малолетних).

Обсуждение вышеуказанных вопросов проходило при активном, деловом участии всех делегатов съезда.

[1] См. отчет Оргбюро ЦК КП(б) Уз. в ТАССР.

Национальный состав съезда характеризуется следующими данными: таджиков—55,05%, узбеков—14,28%, персов—2,38%, киргизов—1,78%, татар—1,49,% русских—17,85%, прочих—7,17%. По социальному положению делегаты съезда распределялись: батраков—6,55%, малоземельных дехкан—29,76%, середняков 16,97%, кустарей—3,27%, рабочих—2,98%, служащих—40,47%. По партийности: членов ВКП(б)—34,52%, кандидатов ВКП(б)—12,20%, членов ВЛКСМ—8,93%, беспартийных—44,35%.

Женщин-делегаток на съезде присутствовало 12 человек, из которых таджичек—4, узбечек—1, иранок—1 и русских—6.

На новом этапе перед партийными и советскими органами встали еще более ответственные задачи.

Широким массам трудящихся необходимо было разъяснить организационные принципы строение советского строительства, преимущества системы коллективного управления и значение мероприятий, проводимых Советской властью в области политического, экономического и культурного развития страны.

Все это потребовало оживления деятельности Советов, превращая их в органы общественной самодеятельности, очищения аппарата от примазавшихся чуждых элементов и организации широкого контроля за работой государственного аппарата со стороны дехканства путем привлечения его к активному участию в советской работе.

Одновременно надо было повысить чувство ответственности руководящих работников советского аппарата за выполнение возлагаемой на них работы, проводить решительную работу за внедрение революционной законности.

В работе использованы отчеты Оргбюро ЦК КП(б) УЗ. и воспоминания отдельных участников гражданской войны и советского строительства в республике.